

Владлен Сироткин

ЗОЛОТО КОЛЧАКА

Владлен Георгиевич Сироткин

Золото Колчака

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6113279

Золото Колчака / Владлен Сироткин.: Эксмо, Алгоритм; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-39523-1

Аннотация

Судьбы золотого запаса Российской империи волнуют историков, экономистов и просто граждан бывшего Советского Союза на протяжении всех последних 20 лет. В книге профессора В. Сироткина исследуется судьба «Золота Колчака», прослеживается путь от воровства внешнего к воровству внутреннему, от 20-х годов до эпохи «демократов-реформаторов», окончательно разграбивших народное достояние великой державы.

Автор активно выступает за возвращение золота, украденного у России в Гражданскую войну.

Содержание

Предисловие	4
I	5
1. Золото и внешние займы	5
2. Недвижимость	19
3. Витте – Николай II: проект мировой Федеральной валютной системы	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владлен Георгиевич Сироткин

Золото Колчака

Предисловие

Мировой экономический кризис поставил ряд проблем, в том числе и финансовых, перед Россией. Огромные средства требуется вложить в экономику страны, чтобы поддержать ее на плаву. Между тем у России есть огромные неиспользованные резервы, целые клондайки из золота, недвижимости и авуаров (ценных бумаг), которые в XX и начале XXI в. остались за рубежом и до сих пор ни правителями СССР, ни управителями России не востребованы.

Еще в 1993 г. известная британская разыскная юридическая фирма «Пинкертон» через автора этой книги предложила властям России использовать эти «клондайки» хотя бы для выплаты гигантских внешних долгов. Эта фирма, которая еще в 1923 г. начала по оплаченной просьбе наркомвнешторга Л.Б. Красина оценку российской недвижимости за рубежом, к 1993 г. накопила банк данных на 400 млрд. долл. (300 млрд. – недвижимость, 100 млрд. – золото).

Между тем энтузиасты-общественники продолжали поиски «клондайков» и к 2003 г. «намыли» одного зарубежного российского золота в два раза больше, чем указывала в 1993 г. фирма «Пинкертон» (207 млрд. долл., т. к. англичане не учитывали набежавшие за 80 лет проценты; кроме того, они не установили наличие русского золота в некоторых странах – Швеции, Чехии, Швейцарии и других).

По основным странам только т. н. военное золото, вывезенное в Первую мировую и Гражданскую войны (1914–1922 гг.), являет следующую картину:

- Япония – 80 млрд. долл.;
- Великобритания – 50 млрд. долл.;
- Франция – 25 млрд. долл.;
- США – 23 млрд. долл.;
- Швеция – 5 млрд. долл.;
- Чехия – 1 млрд. долл.

Характерно, что официальные лица в США и Великобритании не оспаривали эти цифры, но выражали недоумение – почему власти России не ставят проблему «клондайков» официально?

Однако в последнее время активность российских властей в этом вопросе заметно повысилась: поиску «золота Колчака» уделяется все больше внимания со стороны самых влиятельных фигур в правительстве. И даже – если верить сообщениям СМИ – сам премьер-министр Путин спускался на дно Байкала в батискафе именно в поисках золотого запаса Российской империи...

I

История «царского золота»

1. Золото и внешние займы

Когда с 1909 г. через частное туристическое товарищество известной меценатки графини В.Н. Бобринской (предшественник «Спутника» и «Интуриста») сначала в «ближнее» (автономная Финляндия, Швеция), а затем и в «дальнее» (Германия, Франция, Италия) зарубежье (на основе дарованных манифестом Николая II от 17 октября 1905 г. свобод проживания и передвижения его подданных «всех званий и состояний») поехали с 50-процентной скидкой массовые организованные группы провинциальной интеллигенции (земские учителя, врачи, фельдшеры, статистики и т. д., т. е. все те сорокарублевые сельские интеллигенты, которые за свой счет не могли бы купить билет до Парижа – 80 зол. руб. в оба конца), они с удивлением обнаружили: русскую ассигнацию без проблем меняют в любом банке Берлина, Вены, Рима или Парижа, а что касается «рыжиков» (золотых николаевских монет по 5 и 10 руб.), то в мелких лавках их охотно берут и без обмена на местные деньги, и даже в 2–3 раза выше официального биржевого курса (1 зол. руб. в начале XX в. равнялся 2,667 франц. фр.).

Знали бы эти российские туристы, в массе своей пылко осуждавшие «проклятый царизм» и составившие в феврале 1917 г. лидирующую прослойку революционной демократии в провинции, кто обеспечил такое уважение к русскому рублю за границей!

А обеспечили эту стабильность, комфортабельное и интересное путешествие три «царских сатрапа», три министра финансов с 1881 по 1903 г. – профессор Харьковского университета экономист Н.Х. Бунге, основоположник теории автоматического регулирования академик И.А. Вышнеградский и бывший билетный кассир с дипломом Одесского университета, а затем начальник службы движения частной Юго-Западной железной дороги математик Сергей Юльевич Витте.

Кратко суть их денежной реформы состояла в переводе с традиционного для XVIII–XIX вв. серебряного паритета бумажного рубля (ассигнации) на паритет золотой. Для этого необходимо было сначала накопить необходимый золотой резерв, чем и занялись Бунге и Вышнеградский.

Внутренних источников накопления было три:

- увеличение государственной золотодобычи на Урале и в Сибири. Рекордная цифра была достигнута в 1914 г. – 66 521,7 кг (для сравнения: в Советской России в 1920 г. – всего 1738,4 кг; в 1993 г. в РФ при неизмеримо возросших по сравнению с 1914 г. технических возможностях – электричество, драги, экскаваторы и т. п. – всего 132 144 кг, а в 1996 г. и того меньше – 120 т);

- резкое увеличение экспорта сельхозпродукции (зерна, масла, мяса, меда, молочных изделий и т. д.);

- введение госмонополии на водку и табак и значительное повышение цен и налогов (акцизов) на них, учитывая, что тогдашней нормой учета и потребления было ведро водки (к 1914 г. акциз на водку давал 1 млрд. зол. руб. из всего госбюджета империи в 3,5 млрд.).

С 1881 по 1894 г. шло накопление золотых резервов. При Бунге в 1886 г. они поднялись до 367 млн. зол. руб., при Вышнеградском к 1892 г. составили 642 млн. И наконец, Витте, имея золотой запас в 895 млн. руб. в 1894 г., начал свою знаменитую «золотую реформу» – обмен старых бумажных ассигнаций на новые, «золотые», то есть имеющие золотой паритет.

К 1897 г. введение «золотого рубля» (в любом отделении Госбанка Российской империи старые бумажные деньги один к одному менялись на новые, а те при желании любого владельца – на золотые чеканные «пятерки» и «десятки») завершилось, и к 1900 г. старые деньги были окончательно выкуплены государством. Из старых в обращении остались только мелкая серебряная и медная разменная монета.

Никогда больше ни до, ни после в России не проводилась подобная неконфискационная денежная реформа.

За неполные 30 лет, с 1886 по 1914 г., золотой запас России вырос более чем в 5 раз (!) и являлся самым крупным в Европе, превышая сумму в 1 млрд. 695 млн. зол. руб. Укрепление золотой стабильности рубля открыло еще одну возможность пополнения казны – на этот раз иностранной валютой. Речь шла о золотых французских франках, которые с 1887 г. рекой потекли в Россию в результате русских внешних займов, предоставленных Францией: с 1887 по 1891 г. по 4 млн. в год, то есть за пять лет сразу 20 млн. зол. фр.

Что это за «золотой дождь» и почему французы при всей известной их скупости пачками начали скупать русские ценные бумаги не только государственных (скажем, «железнодорожного займа» 1880 г. – шесть выпусков облигаций), но и частных (например, Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, 1897 г.) российских компаний? Не были ли это столь знакомые нам по последним годам «пирамиды» типа пресловутых АО «МММ» или «Чары»?

Здесь необходимо сделать одно отступление.

Россия всегда, по крайней мере начиная с Петра I, охотно занимала деньги за границей (хотя не всегда в срок и не столь охотно отдавала: в 1768 г. в Голландии заняли 5,5 млн. гульденов, а вернули их, пусть и с процентами, лишь через 130 лет – в 1898 г.). Екатерина II набрала займов на 41 404 681 руб. и при жизни не вернула ни копейки – расплачивались ее преемники-цари. В период революционных и наполеоновских войн России с Францией главным кредитором выступала Англия: с 1792 по 1816 г. Россия получила более 60 млн. руб., расплачиваясь с англичанами последующие 50 лет.

Кстати, период наполеоновских войн (континентальная блокада 1806–1813 гг.) внес огромную дезорганизацию в европейское денежное обращение. Враги – Франция против Великобритании с союзной ей Россией – активно использовали своих фальшивомонетчиков для фабричной подделки бумажных денег противника. У Наполеона под надзором министра полиции Жозефа Фуше на двух тайных монетных дворах в Париже день и ночь трудилась большая группа условно-досрочно освобожденных фальшивомонетчиков (некий первый вариант бериевских «шарашек», столь талантливо описанных А.И. Солженицыным), печатавшая вначале поддельные английские фунты стерлингов, а с 1810 г. – русские ассигнации достоинством в 25 и 50 руб. (ими в изобилии были снабжены офицеры и солдаты «Великой армии» Наполеона накануне вторжения в Россию, а в период оккупации Москвы в 1812 г. французская походная типография всю печатала фальшивые ассигнации на Рогожской заставе, в подворье старообрядческой церкви).

Наоборот, англичане в Лондоне гнали «на-гора» фальшивые франки, а русские в Риге – то фунты, то франки, то турецкие динары (в зависимости от того, с кем в данный момент воевала Россия).

Затем до 1826 г. Минфин России вылавливал всю эту фальшивую валюту и даже «отпартовал» Николаю I: задание выполнено. Но фактически вплоть до глобальной денежной реформы графа Витте в 1894–1897 гг. фальшивки периодически всплывали.

В основном внешние займы с Петра I и до Николая I шли на русскую армию (закупку вооружений, строительство «казенных» военных заводов, военного флота и т. д.). Скажем, Крымская война 1853–1856 гг. помимо того, что она закончилась позорным поражением, еще

едва не привела Россию и к финансовому краху: после Парижского мира 1856 г. бюджетный дефицит составил невиданную доселе сумму в 1 млрд. 155 млн. руб.!

Николай I скоропостижно скончался, не вынеся позора и унижения, а его сыну «царю-освободителю» Александру II пришлось выпутываться. Одним из методов этого выпутывания можно считать и отмену крепостного права в 1861 г. за... выкуп (дополнительный налог) с 80 % населения империи – крепостных крестьян.

Известное дело – с русского мужика много не возьмешь, войска (налоговую инспекцию) за недоимками посылать надо... Поэтому следующий царь – Александр III – круто изменил фискальную политику.

Вот тогда-то и пригодились не сановные бюрократы, а ученые-профессора типа Николая Христофоровича Бунге на посту министра финансов. Это была очень интересная и противоречивая эпоха, когда для одних (Н.Г. Чернышевского, казненного брата Ленина – Александра и других «революционных демократов») обер-прокурор К.П. Победоносцев «над Россией простер совиные крыла» (А. Блок, поэма «Возмездие»), а для других (Бунге, Витте, Менделеев) Россия вступила в полосу индустриальной модернизации (по темпам железнодорожного строительства начала догонять США, а по золотому содержанию денег – и обогнала).

По рекомендации профессора Бунге царь лично в 1888 г. отправился в Париж (формально на открытие Всемирной промышленной выставки) и занял у французских банкиров 8 млн. зол. фр. на «железнодорожное строительство» в России. Но занял – и в этом было принципиальное отличие от всех предыдущих и последующих займов России (СССР) – не под честное слово царя (президента), а под русское «залоговое золото», которое доставили во Францию и положили на депозит (в залог) в качестве гарантии.

С тех пор и при царях, и при «временных», и при Колчаке Россия стала применять эту практику. В СНГ эту «царскую» традицию сегодня продолжают Казахстан, Узбекистан и Туркменистан в своих внешнеэкономических связях с Западом и Востоком (Япония, Турция, Иран), поэтому накануне Октябрьской революции 2/3 золотого запаса оказалось за границей, преимущественно в Англии, Франции, США и Японии.

Но у Александра III особого выбора не было. Дефицит бюджета не уменьшался, выкупные платежи с крестьян за свободу поступали туго (а в 1883 г. по случаю своей коронации царь их вообще отменил, как позднее руководители СССР будут списывать недоимки с колхозов и совхозов).

А тут еще приспела государственно-стратегическая проблема выкупа скороспело построенных и большей частью убыточных частных железных дорог России в казну.

Помните знаменитую «Железную дорогу» великого русского поэта Николая Некрасова с ее «грамотеями-подрядчиками», грабившими неграмотных работяг? А вот еще одно четверостишие того же поэта, но из другого произведения:

Сплошь да рядом – видит Бог! —
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья —
Убийство, кража и подлог!

Нынешняя эйфория с приватизацией и акционированием – отнюдь не новость для России. Все это уже было в 80–90-х годах прошлого века, только в обратном порядке: сегодня госсобственность делают «частной» (акционированной), тогда же из «частной» (но за выкуп) делали государственной.

При Александре II, сразу после Крымской войны, начался железнодорожный бум. Возникли сотни (если не тысячи) крупных и мелких «товариществ» по строительству железных

дорог, иногда длиной всего в десять-пятнадцать верст (кто сейчас, кроме историков, помнит Подольскую, Новгородско-Великую или Моршанско-Сызранскую железные дороги?). Многие из них оказались «липовыми»: кредиты у казны выпросили, но ничего не построили. Другие – хотя и построили, но настолько плохо, что казенная железнодорожная инспекция их произведения к эксплуатации не допустила. А многие из тех, что допустила, оказались недолговечными. Сам Александр III на себе испытал, что получается, когда русский купец-подрядчик из тогдашних «новых русских» строит кое-как, лишь бы поскорее сдать объект и получить деньги.

...Незадолго до поездки в Париж Александр III со своими чадами и домочадцами отправился из Петербурга на отдых в Крым. Обратный путь лежал по Юго-Западной частной железной дороге. И надо же было такому случиться, что на одном из поворотов из-за «не по ГОСТу» положенной насыпи (да ее еще и подмыло дождем, а дренажа не было – подрядчики сэкономили) царский поезд 17 октября 1888 г. сошел с рельсов. Только чудо да недюжинная сила царя (он держал крышу вагона на своих плечах, пока не подоспела помощь) спасли царскую семью от гибели.

Назначенная министром путей сообщения комиссия из отечественных петербургских и иностранных инженеров установила, что целые участки этой железной дороги были построены с вопиющим нарушением технических норм. После этого устроили глобальную проверку всех железных дорог России. Картина выявилась ужасающая: как и в наши дни с 450 «частными» (виноват, «акционированными») компаниями, на которые растащили «Аэрофлот» (у иных было всего по два-три самолета, да и те не летали – то крыло отвалилось, то шасси нет), подавляющее большинство карликовых «дорог» оказались нерентабельными и опасными в эксплуатации. К началу XX в. правительство выкупило у «частника» около 80 % всех акционированных железных дорог, но некоторые, например стратегическая Брестская (ныне Белорусская), так до 1914 г. и остались в руках предшественников Мавроди. Стоит прочесть недавно вышедшие мемуары сына известного театрального деятеля и мецената Ю.А. Бахрушина (Воспоминания. М., 1994), чтобы убедиться: не случайно частный русский капитал называли «ситцевым» – за пределами ворот текстильной фабрики он еще был слаб в эксплуатации таких сложных технологических и экономических комплексов, как железная дорога. Даже такая, казалось бы, благополучная частная дорога, как Московско-Ярославско-Архангельская (продававшая, кстати, свои облигации за границей), и та, подобно Приморской железной дороге в наши дни, к началу века оказалась банкротом, а председатель ее правления известный меценат-балетоман Савва Мамонтов – в тюрьме.

И здесь уместно процитировать отрывок из еще одного стихотворения Н.А. Некрасова времен железнодорожного бума второй половины XIX в. – «Доллар»:

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона.
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.
Что ни попало – тащат.
«Наш идеал, – говорят, —
Заатлантический брат:
Бог его – тоже ведь доллар».

Во всех советских хрестоматиях по русской классической литературе XIX в. на этом некрасовское стихотворение обрывалось: и так достаточно для критики и отечественного капитализма, и «заатлантического» империализма в США.

Но Некрасов-то вовсе и не критиковал капитализм как таковой, он критиковал отечественных жуликов и воров, особенно в период реформ и «прихватизации»:

Верно! Но разница в том, что бог его (американского «брата». – Авт.) – доллар, добытый трудом, а не украденный доллар!

И как сегодня президент В. В. Путин собирает снова в кулак «Аэрофлот», так за 115 лет до него Александр III деприватизировал железные дороги за выкуп. У царя на этот выкуп и деньги были, точнее, он их нашел – сразу 8 млн. зол. фр. (к слову, на эти деньги тогда можно было выкупить в казну не только русские, но и половину американских железных дорог). Кстати, выкупали не в один день, как потом поступали большевики (1918 г. – декрет о национализации) или позже «демократы» (1992 г. – разгосударствление и акционирование), а постепенно: более или менее рентабельные частные дороги не трогали, сам процесс выкупа не форсировали, он тянулся более десяти лет. Рачительному отношению к казенным деньгам способствовало и то, что в 80—90-х годах XIX века МПС не было еще «государством в государстве», а входило на правах всего лишь одного из департаментов в Минфин России.

Но деньги не просто взяли, как берет РФ сегодня кредиты у «семерки», Всемирного банка или Международного валютного фонда. Под эти «железнодорожные» займы выпустили «золотые» облигации из расчета 4 % годовых (в самой Франции эта цифра и тогда, и сегодня редко превышала 3 %), честно указав, что деньги идут на выкуп русских частных железных дорог, причем в их последующей реконструкции (и строительстве новых) будут участвовать иностранные банки и промышленные компании.

Это сразу повысило заинтересованность французских банков в инвестициях (к 1914 г. – 67 % в металлургии и 75 % в угольной промышленности на юге России). Такие финансовые гиганты Франции, как «Креди Лионнэ» (с 1879 г. обслуживал весь Дом Романовых), «Париба», «Сосьете женераль», вложили перед 1914 г. в русскую индустрию (уголь, нефть, химия, металлургия и т. д.) до 2 млрд. зол. фр. Например, трамвай в Москве, Киеве и Одессе был построен и пущен франко-бельгийским обществом с участием русского капитала.

В железнодорожный бизнес в России включилось и государственное Национальное общество железных дорог Франции. Его крупнейшим подрядом стало участие в строительстве Транссибирской магистрали, побившем все мировые рекорды подобных гигантских строек: дорогу (за исключением небольшого участка вокруг озера Байкал) строили всего девять лет (1891–1900 гг.).

Вспомним, что БАМ строят вот уже 25 лет и все никак не закончат...

Конечно, свою благоприятную роль для займов, как обычных (семь в 1880–1896 гг.), так и «железнодорожных» (три только в 1888–1894 гг.), сыграла международная конъюнктура. Ведь вначале русские самодержцы ориентировались на Германию, монархический режим которой больше импонировал их политическим вкусам. И даже первый «железнодорожный» заем 1880 г. Россия вначале размещала не во Франции, а в Германии: и деньги у немцев есть, и техника посильней, чем у французов. Но канцлер Отто фон Бисмарк оказался, как и Наполеон Бонапарт, по меткому замечанию профессора А.З. Манфреда, «гениально ограниченным» человеком. Он не сумел преодолеть «крымского синдрома» – Россия навсегда осталась лично для него «жандармом Европы», и он не хотел ее финансового и технологического усиления.

Бисмарк, безусловно, понимал, что для русских царей вопрос – «частная» это железная дорога или «казенная» – дело десятое; главное – ее военно-стратегическое значение. Тем более что все военные Европы знали, что царь Николай проиграл Крымскую войну в том числе и из-за железных дорог: ни одна из них к середине XIX в. не была построена не то что в Крыму, а даже близко к Крыму. Противники же России в короткий период осады Севастополя умудрились построить в Балаклаве собственный стальной путь, завезли паровозы и вагоны и добивали героев первой Севастопольской обороны матроса Кошку и медсестру

Дарью Севастопольскую пулями да снарядами, поступавшими по этому железнодорожному пути, а русским подвозили все снаряжение на волах.

Поэтому и «национализация», и «железнодорожные» займы – это явно военная стратегия. «А зачем немцам усиление России?» – размышлял Бисмарк. И в 1880 г. он дает команду: провалить первый русский «железнодорожный» заем в германских банках, несмотря на его высокий процент.

И хотя в Берлин еще раньше, чем в Париж, завезли «залоговое золото», политика оказалась сильнее экономики. Как по команде германская пресса подняла крик: и золото это-де «поддельное», и 4 % – это «липа» и т. д. В итоге русские «железнодорожные» акции пошли на берлинской бирже ценных бумаг «с молотка» за 70 % номинала.

В те времена это был гигантский всеевропейский финансовый скандал, надолго поссо- ривший Германию и Россию. Спасая лицо, Александр II приказал срочно перевезти «зало- говое золото» из Берлина в Париж и туда же отправить остатки русских ценных бумаг.

А французам все это оказалось на руку. Франко-германские противоречия обострились и в колониях, и в Европе, во французском обществе зрели настроения реванша за отторжение в 1871 г. Эльзаса и Лотарингии, а тут готовый военный союзник сам просится в Париж да еще «залоговое золото» везет из Берлина!

Мудрено ли, что, когда новый молодой русский царь Николай II с супругой прибыли в октябре 1896 г. в Париж, им был устроен такой прием на улицах французской столицы, какой даже Н.С. Хрущев не устраивал своим космонавтам на улицах Москвы.

Тщетно социалисты и антимилитаристы Жюль Гед и Жан Жорес били тревогу по поводу «сближения свободы с абсолютизмом», а всемирно известный писатель Анатоль Франс предостерегал: «Пусть имеющий уши да слышит: мы предупреждаем – наших граж- дан ждет гнусное будущее, если они готовы и далее одалживать деньги русскому правитель- ству, когда и после этих займов оно может убивать, вешать, уничтожать по своему усмот- рению и игнорировать любое стремление к свободе и цивилизации на всем пространстве своей огромной и несчастной империи».

Увы, великий писатель, наверное, запомнил, что у французского обывателя сердце слева, но бумажник справа. Да и как можно было великому гуманисту, но наивному в поли- тике писателю тогда догадаться, что крупнейшая за всю историю франко-русских отноше- ний финансовая афера 1880–1914 гг. по перекачке сбережений мелких французских дер- жателей акций «русских займов» в Россию имела мощнейшее, как бы сказали в советское время, идеологически-финансовое прикрытие. Почти вся французская печать: парижская крупнейшая «Фигаро» (выходящая и поныне), «Тан» (ее с 1944 г. сменила «Монд»), «Пти журнал», «Эко де Пари», «Пти паризьен», «Орор» и еще два десятка газет и журналов, не говоря уже о провинциальных «Депеш дю миди» (Тулуза), «Марсельеза» (Марсель), «Сво- бода» (Лимож) и др., а также партийные издания («Радикал» – орган правящей с 1901 г. пар- тии радикалов и радикал-социалистов, из которой вышли «тигр Франции» Жорж Клемансо, активный сторонник дипломатического признания СССР в 1924 г. Эдуард Эррио и другие видные политики довоенной и межвоенной Франции), профсоюзные (еженедельник «Син- дикат») и даже всемирно известное телеграфное агентство Гавас (ныне его сменило Франс Пресс) – все они получали деньги от императорского российского посольства в Париже, действовавшего через некоего Артура Рафаловича, официального представителя (агента) Министерства финансов России в Париже в 1894–1917 гг.

Образчиком камуфляжа своекорыстных интересов рассуждениями о «великой поли- тике» была, например, заказная статья в «Фигаро» 7 октября 1891 г., в которой говорилось: «Патриотизм и правильно понятый интерес французских сберкасс идут рука об руку и уже привели к окошечкам этих касс такое число держателей ценных русских бумаг, какое прихо- дит туда только в часы всеобщего энтузиазма... Это – проявление спонтанных эмоций масс и

одновременно сочетание великолепной финансовой операции с политическим актом высокой дипломатии». (Напомним, что 1891 г. – начало формирования франко-русского военного союза против Германии.)

Вся эта афера с подкупом не только журналистов, но и депутатов (Луи Дрейфус) и даже сенаторов от партии радикал-социалистов (Першо, владелец партийного органа «Радикал») всплыла в начале 20-х годов, когда большевики после октябрьского переворота обнаружили в архиве МИД России сверхсекретную переписку Рафаловича и тогдашнего царского посла во Франции с министрами иностранных дел В.Н. Ламздорфом, С.А. Сазоновым и министрами финансов – С.Ю. Витте, В.Н. Коковцовым.

О размерах подкупа говорит одна цифра: только за три месяца (сентябрь, октябрь и ноябрь) 1904 г. на подкуп прессы, депутатов и сенаторов было истрачено 3 345 600 зол. фр.

Большевики весьма удачно использовали эти разоблачительные документы в 1918–1920 гг. как аргумент против уплаты «царских долгов», а с 1921 г. (нэп) – как средство шантажа продажных французских политиканов и давления перед Генуэзской конференцией 1922 г. по вопросу о «русском долге», а также для форсирования дипломатического признания СССР без «предоплаты» по «царским» долгам, хотя все тогдашние премьеры и президенты (Клемансо, Пуанкаре, Мильеран, Вивани и др.) с 1919 г. публично клялись с трибуны палаты депутатов или в интервью: «Если большевики не заплатят, мы их не признаем».

Признали в 1924 г. (лидер радикалов и премьер Э. Эррио). А большевики не все громкие имена назвали, кое-что припрятали про запас: первый полпред СССР Л.Б. Красин привез на всякий случай в 1920 г. в Париж секретное досье на всех купленных с 1880 г. французских политиканов и крупных журналистов.

Признали, ибо орган французской секции Коммунистического интернационала газета «Юманите» получила из Москвы часть этого досье и в ноябре-декабре 1923 г. начала публикацию серии разоблачительных статей, дозируя информацию и пока не называя все имена. Впрочем, одно – главное – было названо: Артур Абрамович Рафалович, из крещеных петербургских евреев, финансовый агент Минфина царского и Временного правительств России, жил в фешенебельном квартале на авеню маршала Фоша, 19, в двух шагах от Триумфальной арки (площадь Звезды, ныне – площадь Шарля де Голля).

Его секретный счет, писала «Юманите», открыт в «Париба» и в «Банк де Пари», счет в «Алжирском кредите» – на имя не существующего месье Ленуара. В 1894–1917 гг. он был вхож во все министерские кабинеты и известнейшие политические салоны Парижа. Был избран член-корреспондентом Французской академии, удостоен ордена Почетного легиона первой степени, являлся членом многочисленных научных сообществ (политэкономии, статистики и т. д.), директором собственного еженедельника, выходящего на французском языке, «Финансовый рынок» и пр.

Помимо прямого подкупа Рафалович искусно играл на Парижской бирже ценных бумаг в пользу России. Для этой цели у него была целая сеть заранее подкупленных дилеров во главе с неким де Вернеем. На такие операции МИД и Минфин не скупился: только в январе 1904 г. на подкуп дилеров и финансовой прессы министр иностранных дел Ламздорф передал Рафаловичу из секретного фонда министерства одновременно 200 тыс. зол. фр. (сегодня это 3 млн. 800 тыс. фр.).

Для Рафаловича все эти разоблачения в советской и французской прессе оказались пустым звуком: ведь с ноября 1919 г. (циркуляр адмирала Колчака по заграничным посольствам и консульствам) он стал единоличным распорядителем царских авуаров на сумму в 21 млн. 439 тыс. зол. фр., не считая собственных закрытых счетов.

К 1900 г. облигации «русских займов» расхватывали, как в России горячие пирожки на морозе, – их скупили уже более 10 млн. мелких (одна-три облигации) держателей. Люди продавали дома, участки земли, фамильные драгоценности и покупали «царскую бумагу». Осо-

бенно прельщал ловкий ход петербургских финансистов: они первыми (теперь-то в Европе и США это стало нормой) предложили покупать «русские займы» на детей и молодоженов. Еще бы, ведь доходы по таким «детским» бумагам достигали 10 и даже 14 %!

В начале XX в. во Франции появился целый слой рантье, «стригущих купоны» от «русских займов». К 1910 г. продажа облигаций «русских займов» дала гигантскую сумму в 30 млрд. зол. фр., 21 млрд. из которых переключался в Россию. На Парижской бирже в тот же год из трех иностранных облигаций одна обязательно была русской.

Показателем стабильности и высокой доходности русских ценных бумаг стала их скупка не только мелкими рантье, но и, что было очень важным для инвестиционной политики России, крупными заграничными банками. Если в 1900 г. этот процесс только начинался, то к 1917 г. доля иностранных акционеров – держателей ценных бумаг русских банков достигла 1/3 (34 %), причем конкурентами здесь выступали французские (47 %) и германские (35 %) банки.

К проблеме «кто кому и сколько должен» мы еще не раз вернемся в этой книге.

Пока же затронем обратный процесс – отток золота и иностранной валюты из России после начала Первой мировой войны, с октября 1914 г. отток, который не прерывался ни всю мировую и Гражданскую войны (1914–1922 гг.), ни во время «перестройки» 1985–1991 гг. и не зависел от политической окраски отправителей золота – будь они белые, красные или розовые.

* * *

Накануне мировой войны золотой баланс России был явно в пользу внутреннего золотого запаса: 1 млрд. 695 млн. зол. руб. против всего 140 млн. в заграничных банках. И вдруг за каких-нибудь неполных три года соотношение резко меняется: внутри страны остается только 1 млрд. 101 млн., а за границей втрое больше – 3 млрд. 604 млн. зол. руб. В чем дело?

Здесь возможны два главных объяснения.

Во-первых, за те недели, что прошли между объявлением Россией ультиматума Австро-Венгрии 11 июля 1914 г. в защиту Сербии и объявлением 31 июля всеобщей мобилизации, чиновники Минфина России провели молниеносную операцию по изъятию русских ценных бумаг и «залогового золота» (того небольшого, что осталось после финансового скандала 1880 г.) из берлинских банков и бирж.

Уже в ночь с 11 на 12 июля большая группа уполномоченных банковских служащих срочно выехала из Петрограда в Берлин и там за два-три дня изъяла русских ценных бумаг на 20 млн. зол. руб. и успела перевести эту валюту в Лондон и Париж (операция, о которой и не подумали до 22 июня 1941 г. сталинские финансисты, и все имущество и авуары СССР в Германии были конфискованы нацистами).

Гораздо хуже обстояло дело с изъятием золотых монет – «рыжиков» – из обращения внутри России: обмен бумажных ассигнаций на золото временно, до окончания войны, был прекращен, но в 1914–1916 гг. удалось изъять золотых «николаевков» всего на 58 млн., остальные 436 млн. остались «в чулках» у населения (деньги эти в зачет государственного золотого резерва царской России не вошли).

В 1918–1920 и в 1930–1933 гг. большевики через ЧК и «торгсины» (магазины «торговли с иностранцами», предшественники хрущевско-брежневских «Березок») начали выкачивать из населения эти золотые миллионы. Супруга внука последнего Председателя Государственной думы Олега Михайловича Родзянко, Татьяна Алексеевна, живущая в США, рассказывала мне в 1991 г., что ее девчонкой в 30-х годах «выкупили» жившие в Эстонии родственники именно за золотые «николаевки» и она легально вместе с родителями поездом выехала из Москвы за границу, в Таллин.

Во-вторых, с октября 1914 г. царское правительство усиленно стало отправлять русское золото за границу. Официальная версия – на закупку вооружений и амуниции. Подавляющее большинство исследователей и в прошлом (В. Новицкий, А.И. Погребецкий, А. Котомкин, П.Д. Климушкин), и в настоящем (С.П. Петров, Дж. Смеле) разделяет эту версию, но есть и несогласные с ней (например, Марина Горбова из Парижа). Одним из первых поставил версию под сомнение (на 250 млн. зол. руб. ушло золота за границу только через русский Дальний Восток) последний министр финансов белого правительства во Владивостоке в 1922 г. Валериан Иванович Моравский. Много лет спустя его сомнения, не подозревая об архиве Моравского в Гуверовском институте, разделил английский бизнесмен-журналист и историк-любитель Уильям Кларк. В своей научно-популярной книге «Потерянное сокровище царей» (1994 г.) он обратил внимание на любопытный факт: в пяти «золотых посылках», что были отправлены царским правительством за моря (в октябре 1914 г. на английском военном транспорте «Мантуа» под охраной крейсера «Драк» через Архангельск и Белое море – золота на 8 млн. ф. ст., или 75 млн. 120 тыс. зол. руб.; в декабре 1915 г. – 10 млн. ф. ст.; в июне 1916 г. – 10 млн. ф. ст.; в ноябре 1916 г. – 20 млн. ф. ст.; в январе 1917 г. – 20 млн. ф. ст. – всего на 68 млн. ф. ст. русского золота, см. Приложения), отдельными коносаментами (местами) грузилось личное золото семьи Николая II. Согласно давней традиции, восходящей еще к первым Романовым, Николай II имел в личной собственности золотые шахты в Забайкалье (Нерчинский рудник, где, кстати, отбывали каторгу декабристы) и на Алтае. Алтай – личный домен царя – он в 1909 г. по просьбе П.А. Столыпина «отписал в казну» для расселения столыпинских хуторян, но золотые рудники оставил за собой. У. Кларк приводит со слов англичанки Лили Ден (Dehn) свидетельство о том, что супруга царя Александра Федоровна, находясь под домашним арестом в Царском Селе в 1917 г. сразу после отречения Николая II (т. е. еще при Временном правительстве) говорила в присутствии фаворитки Анны Вырубовой о том, что царская семья располагает отныне достаточными средствами «в золоте и ценных бумагах» за границей, чтобы жить безбедно и в ссылке.

Сравнительно недавно один из наших соотечественников, живущих во Франции, князь Дмитрий Шаховской обратил мое внимание на то, что царица отнюдь не случайно упоминала о «ссылке» (эмиграции). Князь, систематически работающий все летние каникулы в архивах Москвы и Петербурга, не поленился еще раз прочитать оригинал второго варианта отречения от престола Николая II (не в пользу сына, а в пользу брата). Так вот, основной мотив отказа в пользу брата: моя семья вместе с детьми уезжает за границу.

Следует напомнить, что с началом мировой войны Николай II и все его родственники, великие князья, на семейном совете Дома Романовых решили закрыть свои личные счета за границей и перевести все средства в Россию – «на победу»; там же было решено передать свои дворцы в Петрограде под госпитали, а самим жить «на дачах» – в Царском Селе, Павловске, Гатчине, Петергофе и т. д., именно поэтому Зимний дворец превратился в гигантский госпиталь, где ни царь, ни Керенский практически не бывали.

В одном только Лили Ден ошиблась: она спутала «Банк оф Ингланд» (туда действительно частично пошло «казенное» русское золото, отправленное через Владивосток) с «Бразерс Бэрринг бэнк», личным (подобно «Креди Лионнэ» во Франции) банком семьи Николая II.

Эта путаница, кстати типичная и для советских историков (многие из них считают, что все «царское» золото якобы принадлежало лично Николаю II, тогда как на деле он сам скрупулезно отличал собственную «золотую шахту» от «казенной»), сыграла позднее, в 20-х годах, злую шутку с самозванкой «Анастасией» Андерсон, мнимой дочерью царя Николая. Хотя она наняла в советники-адвокаты дипломата Глеба Боткина, племянника известного врача, и пыталась через суд завладеть золотом царя и царицы, дело она проиграла: «Банк оф

Ингланд» ответил, что «личного» золота ее «отца» у них нет, а на «казенное» она претендовать не может.

Лжецарица напрасно беспокоилась: «личного» золота царя и царицы не оказалось не только в «Банк оф Ингланд», но и в уполномоченном банке императорской семьи «Бразерс Бэрринг бэнк»: его в марте 1917 г. похитили японцы вместе с последней «оружейной посылкой» в США и Канаду.

И тем не менее легенда о том, что 5,5 т «личного» золота Николая и Александры Романовых находятся в английских банках и его можно засчитать в уплату внешнего долга СССР или России, оказалась весьма живучей. В нее поверила «железная леди» Маргарет Тэтчер, когда 15 августа 1986 г. подписывала в Лондоне с Горбачевым и Шеварднадзе «нулевой вариант».

На нее клюнул и бывший министр экономики в правительстве В.С. Черномырдина Евгений Ясин, когда в 1995 г. на своей пресс-конференции в посольстве РФ в Париже ссылался на горбачевский прецедент 1986 г. в обоснование аналогичного «нулевого варианта» с Францией.

Помнится, присутствуя на этой пресс-конференции, я весьма резко выступил там против таких «нулевых вариантов» и даже позднее написал в одном московском еженедельнике о капитулянтской политике российского министра экономики.

* * *

Однако, похоже, члены нашего Экспертного совета рано радовались: 26–28 ноября 1996 г. состоялся официальный визит премьер-министра В.С. Черномырдина во Францию, по итогам которого в Париже был подписан важный документ с мудреным названием «Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики относительно окончательного урегулирования взаимных требований между Россией и Францией, возникших до 9 мая 1945 г.».

Что означает сие «окончательное урегулирование» – уж не пресловутый ли «нулевой вариант»? – ни журналистам, ни общественности обеих стран участники этих переговоров, как обычно сверхсекретных и закрытых для прессы, не объяснили. Более того, уже в выступлениях на итоговой пресс-конференции в Париже и в комментариях официальных лиц в Москве начался разнобой в оценках «Меморандума». Французский премьер Ален Жюппе назвал этот документ «настоящим договором» между Россией и Францией, а не протоколом о намерениях. Наоборот, тогдашний вице-премьер и министр финансов А.Я. Лившиц увидел в «Меморандуме» именно протокол о намерениях, некую политическую декларацию, ибо «численные параметры возможного соглашения (по «царским долгам») будут определены на [последующих] переговорах». Спикер Госдумы РФ Г.Н. Селезнев вообще осудил это соглашение как несвоевременную уступку правительства России, создающую опасный прецедент для выдвижения требований по долгам со стороны других стран.

Еще более резкие оценки этого «Меморандума» прозвучали во Франции. Руководитель одной из четырех ассоциаций потомков держателей русских ценных бумаг Франсуа Байль был настолько возмущен «этим триумфом технократии и махинации», что от имени своей ассоциации пригрозил подать на премьер-министра Жюппе в Европейский суд в Страсбурге, ибо «этот договор – второй грабеж владельцев российских облигаций во Франции».

Разумеется, на фоне требований этих владельцев выплатить им 40 млрд. долл. за «царские облигации» да еще 120 млрд. процентов по ним, набежавших за 80 лет, упомянутые в «Меморандуме» 400 млн. долл. (по 500 фр. за штуку, или по 100 долл.), да еще с рассрочкой выплаты до 2000 года, выглядели мизером. По мере того как французские журналисты докапывались до деталей этой явной сделки двух премьеров, термин «махинация» звучал

все громче и громче. Выяснилось, например, что из этих 400 млн. долл. только 2/3 пойдут на оплату «царских» бумаг, а 1/3 – на компенсацию потомкам владельцев французской недвижимости в России, потерявшим там после октября 1917 года свои заводы, фабрики, магазины и косметические кабинеты (ассоциация бывших владельцев объединяет сегодня около 2 тыс. членов, что намного меньше ассоциаций держателей русских ценных бумаг, насчитывающих более 200 тыс. потомков с 4 млн. облигаций и акций).

Но и эти потомки владельцев остались недовольны, ибо их компенсация – это всего около 120 млн. долл. – чисто символическая сумма на фоне 2 млрд. зол. фр., вложенных в 1900–1914 гг. их предками в русскую промышленность и торговлю (заводы в Донбассе и рудные копи в Кривом Роге, трамвай в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе, модные магазины на Кузнецком Мосту в Москве и т. д.).

Но французские «разгребатели грязи» стали копать глубже, и вскоре после отъезда Черномырдина просоциалистическая оппозиционная газета «Либерасьон» выдала главную сенсацию: оказывается, еще в 1963 г. Н.С. Хрущев урегулировал проблему «царских» долгов путем зачета 47,5 т так называемого «ленинского» золота в уплату компенсации крупным владельцам и кредиторам во Франции (банкам «Креди Лионнэ», «Париба», «Сосьете женераль», Национальное общество железных дорог Франции и др.), оставив мелких владельцев и потомков держателей «царских» ценных бумаг (две-пять акций или облигаций) ни с чем. Якобы предшественники Е.Г. Ясина, О.Д. Давыдова и А.Я. Лившица в хрущевском окружении еще в 1963 г. подписали «нулевой вариант» (по сию пору остающийся сверхсекретным), по которому СССР отказывался на вечные времена от «ленинского» золота (а из него и набежавших за почти 50 лет процентов выплачивалась компенсация французским «китам»), но Франция, в свою очередь, снимала свои претензии по «царским» долгам.

Так ли это на самом деле – позволит установить знакомство с документами «нулевого варианта» 1963 г., чем сегодня и занимается наш Экспертный совет (об истории появления «ленинского» золота во Франции см. ниже, гл. 3).

Но, судя по тому, как В.С. Черномырдин неуклюже отбивался от вопроса настырного корреспондента «Комсомолки» в Париже М. Чикина, хрущевский «нулевой вариант» 1963 г. был подтвержден черномырдинской командой в 1996 г. Судите сами. Корреспондент спрашивает у премьера: «Как решилась судьба «ленинского» золота?» Черномырдин: «Какое золото?» М. Чикин популярно объясняет (излагая мои публикации в прессе и документы по «ленинскому» золоту, опубликованные еще в 1995 г. в «Дипломатическом ежегоднике») какое. Черномырдин в ответ: «Все ленинское, колчаковское, сталинское и прочее золото... Нет его. И не будет. Все это вошло сюда (премьер постучал по папке с договором). Для кого к сожалению (жест в сторону Жюппе), а для кого и без сожаления (в свою сторону), но получилось так, как получилось».

Сразу после визита Черномырдина в Париж ко мне, как к председателю Международного экспертного совета по зарубежному золоту, недвижимости и царским долгам, обратились за комментариями представители СМИ: нескольких электронных (МТК «Субботний вечер с Андреем Леоновым», 30 ноября; ТВ-31, передача Владимира Мукусева «Не могу молчать!», 6 декабря) и печатных (еженедельники «Век», «Аргументы и факты», «Новая газета» и ежедневные «Российская газета» и «Труд») – читателям и телезрителям был совершенно непонятен смысл визита В.С. Черномырдина во Францию.

Пришлось вначале рассказать обо всей долгой и сложной истории тянувшихся с 1922 г. переговоров о «царских» долгах, одновременно демонстрируя подлинники русских облигаций и акций за 1880–1914 гг. и объясняя: эти (облигации императорских государственных займов с подписью председателя Госбанка – примерно 25 % от 10 млн. проданных во Франции) оплате подлежат, а эти (акции частных фирм, заводов и городов, ныне расположенных на территории южных соседей России по СНГ, – около 75 %) – нет. Кроме того,

пришлось пояснить, что и из этих 10 млн. на руках у потомков держателей русских ценных бумаг во Франции осталось не более 4 млн. остальные либо физически пропали (в ярости были порваны, сожжены или выброшены еще в 1919–1922 гг. мелкими владельцами акций), либо были скуплены крупными спекулянтами ценных бумаг. Одна мадам даже в 1995 г. скупала таких «бумажек» на 200 млн. фр. Но к оплате эти «спекулянтские» бумаги предъявлять нельзя, так как надо еще доказать, что твои дедушка или бабушка лично покупали «царские» бумаги на Парижской бирже до 1914 г. А чтобы спекулянты не наживались на горе мелких вкладчиков, французское правительство еще 10 сентября 1918 г. издало специальный декрет об обязанности владельцев ценных русских бумаг, если они или их потомки хотят когда-нибудь получить по ним их номинальную стоимость и проценты, лично зарегистрировать каждую такую облигацию или акцию в отделениях французского казначейства. На практике это выглядело так: на обороте каждой русской ценной бумаги ставился казенный штамп казначейства: «заявитель номер такой-то», «заявил такого-то числа такого-то года». Такие штампы ставились с 1918 по 1927 г. и только эти облигации и акции можно сегодня предъявлять к оплате.

Как мне по секрету сказали в Париже в одной из ассоциаций потомков держателей русских ценных бумаг, из 400 тыс. претендентов менее 10 % имеют такие «проштампованные» бумаги, остальные же надеялись на «чудо». И «чудо» свершилось. Российская делегация не стала мелочиться: сколько вас там, держателей? Ах, всего 400 тыс., а мы-то думали, что 10 млн. Ну так вот вам всем «на круг» по 100 долл. за акцию-облигацию, а есть ли на ней штамп или нет, нам неважно. Так и появились эти пресловутые 400 млн. долл. Словом, взяли уже готовую схему из «нулевого варианта» Горбачева-Тэтчер от 15 августа 1986 г. (там, если помните, «на круг» выдали по 90 долл. за облигацию).

На самом же деле, как я объяснил телезрителям и читателям газет, весь этот «Меморандум» и вообще вся шумиха относительно «окончательного урегулирования» «царских долгов» не более чем дымовая завеса для решения совсем других задач, которые по степени срочности делились на три группы.

Первая. С помощью Алена Жюппе уговорить директора-распорядителя МВФ Мишеля Камdessus снять эмбарго МВФ на предоставление очередного транша на 250–300 тыс. долл. и «угольного транша» ВБ (для реконструкции нерентабельных шахт России) на 400 млн. долл., что и было успешно совершено нашим премьером.

Вторая. Опять же при поддержке Жюппе добиться снятия эмбарго на распространение во Франции российских еврооблигаций (евробондов), незадолго до визита в Париж удачно проданных на Нью-Йоркской бирже ценных бумаг на целый миллиард долларов. К концу 1996 г. подготовлен был к продаже еще один транш на 2–3 млрд., да бельгийцы с французами заблокировали свой рынок ценных бумаг – сначала заплатите «царские долги», у нас парламентские выборы на носу, а тут почти полмиллиона недовольных нашими правительствами избирателей. Вот наши и «заплатили», подписав для публики «Меморандум» – протокол о намерениях.

Третья, и самая главная. Головной болью В.С. Черномырдина и его министров стали вовсе не «царские долги», а долги текущие – 130 млрд. долл., с 1992 г. выплата одних процентов по которым в размере 9 млрд. долл. ежегодно делает в бюджете России огромную «дыру». И это вам не какие-то там «царские» облигации. Не случайно, прибыв в Париж, Черномырдин в сердцах бросил французским журналистам реплику: «Пусть подождут!» Банки «семерки», МВФ, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития ждать 80 лет не будут. Что же делать? В России полный развал экономики, налоги не собираются, зарплаты и пенсии не платятся, а президент, выздоравливая, грозил вызвать премьера и его министров «на ковер». И выход «мудрецы» из Белого дома на Краснопресненской набережной нашли: поступим-ка мы как большевики в 1927 г. в том же Париже, которые пообещали

щали выплатить «царские долги» в рассрочку аж на 60 лет (т. е. до самой горбачевской перестройки!), а под это обещание заняли у европейских банкиров целых 225 млрд. долл. (в современных ценах) на индустриализацию. И тоже свой «меморандум» с французами уже было подписали, но, как всегда, вмешалась политика – борьба троцкистов со сталинистами в партии. «Меморандум» же подписал полпред во Франции Христиан Раковский, видный троцкист да еще близкий друг самого Льва Троцкого. Ясное дело, Сталин немедленно дезавуировал «троцкистский» документ, а Троцкого, Раковского и еще 120 троцкистов исключил на XV съезде ВКП(б) из партии и сослал в Сибирь (а самого Троцкого в 1929 г. еще и выслал за границу).

Сегодня обвинения в «троцкистском уклоне» никому в России и СНГ не грозят, поэтому можно повторить старый эксперимент с отсрочкой, но не «царских долгов», а текущих: с помощью все того же Алена Жюппе вступить в Парижский банкирский клуб под флагом необходимости получить 100 млрд. долл. долгов от Кубы, Эфиопии, Бенина, Сомали, Мозамбика и др., а на самом деле – обеспечить 25-летнюю отсрочку по выплате текущих 130 млрд. долгов и начать занимать в эту четверть века по новой. Вот в чем весь смысл этой, как возмущаются французы, «махинации».

А через 25 лет, то есть в 2021 г., или кобыла сдохнет, или цыган помрет. Ясно, что многие фигуранты сегодняшней российской политики физически не доживут до этой благодати. Может статься, и будущие партнеры Запада по «русским долгам» (как царским, так и ельцинским) будут в 2021 г. уже совсем другими – независимые «штаты»: Республика Ичкерия, Республика Саха (Якутия), Татарстан, Нижегородское генерал-губернаторство и т. п. А эти «новые штаты» долги «проклятого режима» (т. е. Российской Федерации) платить откажутся и пойдут занимать по новой.

Может возникнуть вопрос (и он возникал в ходе моих телепередач в виде телефонных звонков из российской глубинки): а разве партнеры России по «мировому экономическому пространству» и Парижскому клубу такие уж глупые? Мало им 60 лет, за которые обещали большевики вот-вот заплатить и «царские долги», и долги по военному ленд-лизу?

Нет, они далеко не глупые. Ведь бывший глава «Газпрома» в обмен на все эти «послабления» вновь твердо пообещал: русский газ в Западную Европу как шел, так и последующие 25 лет будет идти во Францию, Германию, Бельгию и другие страны Европейского союза, причем по ценам на 25–30 % ниже мировых. А в этой «скидке» заложены и «царские долги», и большая доля текущих российских.

Такая вот у нас сегодня национально-государственная политика, совсем как у приснопамятных царских министров времен «царских займов» во Франции: «Недоедим, а Европу хлебом накормим, зерно вывезем». Теперь Европе хлеб не нужен, своего завались. А вот с природным газом слабовато. Тут-то и пригодился естественный русский резервуар размером в одну восьмую земного шара.

С «сильными мира сего» во Франции и России все ясно – они решают проблемы пребывания у власти успешно. А что же обманутые вкладчики в обеих странах?

Эти по-прежнему продолжают бороться. В России – с последствиями дефолта 17 августа 1998 г. Во Франции – «дефолта» 26 ноября 1996 г. (соглашения Черномырдин – Жюппе). Только на этот раз потомки держателей русских ценных бумаг обращают свои претензии не к русскому, а к французскому правительству.

В апреле 1998 г. побывал я на одном из очередных съездов одной из ассоциаций в бывшем «красном поясе» Парижа – AFPEA (Французской ассоциации держателей акций русских займов), побеседовал со старыми знакомыми: президентом ассоциации Пьером де Помбрианом, советником Жоелем Фреймоном, ее новым адвокатом Мишелем Карлшмидтом, свободно говорящим по-французски, по-немецки и по-русски (предки были родом из «прибалтийских баронов»).

Картину они нарисовали нерадостную. Да, Россия выполняет соглашение Черномырдин – Жюппе: к концу 1998 г. 2/3 из обещанных 400 млн. долл. (или 250 млн.) будут выплачены. Но потомкам держателей акций от этого не легче.

Во-первых, «черномырдинские миллионы» все равно составляют всего один процент от тех 3 тыс. займов, что в 1822–1914 гг. Франция предоставила России.

Во-вторых, и из этих 250 млн. долл. держатели пока за два года не получили ни сентима: французское правительство положило эти деньги на специальный счет и заморозило до выяснения подлинного количества потомков (им предложено самим доказать во французском казначействе, что они не самозванцы и не спекулянты). Только к январю 1999 г. казначейство наконец переписало всех потомков и установило, что из 10 млн. держателей акций только 3 млн. 100 тыс. являются «подлинными» – все остальные «самозванцы». Это решение вызвало новую бурю протеста и очередное обращение в суд. Характерно также и то, что парламент Франции целый год – до декабря 1997 г. – «мариновал» протокол Черномырдин-Жюппе в своем «долгом ящике», ратифицируя его, хотя сам характер соглашения этого не требовал.

В-третьих, руководители ассоциации по-прежнему считают, что Черномырдин с Жюппе, а также Национальное собрание их «кинули», и намерены через французские и русские суды требовать не 400 млн., а почти 2 млрд. долл. компенсации.

Обнаружилась и новая тактика в деятельности ассоциации: на съезде было принято «Обращение к русскому народу», в котором предлагалось «обманутым вкладчикам обеих стран объединиться в конфедерацию и совместно оказывать давление на свои правительства, консолидированно обращаясь в суды двух стран».

Словом, страсти кипят, и судам Франции и России хватит работы, думаю, на весь XXI век.

2. Недвижимость

Если в отношении «российского золота» за рубежом с 1880 и по 1922 г. мы, по крайней мере, можем увидеть документальные следы его утечки, располагаем юридическими документами (соглашениями) или, как минимум, расписками (генерал П.П. Петров, атаманы Семенов и Калмыков и др.) о сдаче японцам ящиков или пудов золота на временное хранение, то в отношении российской недвижимости за рубежом все еще больше тумана, нежели ясности.

Судя по реакции официальных российских властей (совещание представителей министерств и ведомств у вице-преьера О.Д. Давыдова в российском Белом доме 18 января 1995 г.), они все еще никак не определятся, о какой собственности идет речь, сколько ее и с какого конца приступить к ее переводу «на баланс» Российской Федерации.

Время от времени в российской прессе по этой проблеме публикуются отдельные сенсационные факты. То вдруг сразу два журналиста (один даже возьмет у меня интервью) заинтересуются «апельсиновым гешефтом» двух высокопоставленных хрущевских чиновников в Израиле, отдавших в 1964 г. в обмен на апельсины (на сумму 4,5 млн. долл.) уникальные объекты церковной собственности в Иерусалиме. То собкор «Московских новостей» в Париже, бывший пресс-атташе посольства СССР во Франции Владимир Федоровский напишет под рубрикой «Скандал» о некрасивой возне московских ведомств вокруг особняка графа Шереметева на ул. Буассьер в связи с тем, что арендовавшее его с 1975 по 1992 г. прокоммунистическое общество «Франция – СССР» (ввиду распада СССР и конца субсидий от ЦК КПСС) обанкротилось и особняк вдруг оказался «ничейным».

Или известный «разгребатель грязи» и борец с коррупцией Александр Минкин публикует с приложением многочисленных документов сенсационную статью «Как заработать первый миллион долларов?», в которой в духе захватывающего детектива рассказывает, как три ответственных чиновника бывшего Министерства внешней торговли СССР лихо «на троих» «прихватизировали» в 1990 г. два старейших советских внешнеэкономических объединения – «Автоэкспорт» и «Тракторэкспорт», фактически присвоив себе их советскую собственность (здания, оборудование, счета и т. п.) в Бельгии, Германии, Швеции, Финляндии и Чехии. Подобные журналистские расследования с наивным вопросом: почему именно этим конкретным чиновникам или даже отдельным вице-преьерам досталась за границей та или иная советская собственность? – оказались делом далеко не безопасным. Минкина, например, вскоре после его публикаций о коррупции генералов... избили возле его же дома.

Известную журналистку Елену Кожевникову-Эрикссон за ее статьи в журнале «Столица» о сомнительных махинациях людей из окружения О.И. Лобова с недвижимостью во Франции (в частности, вокруг особняка графа Шереметева в Париже) стали по телефону запугивать анонимы («Гляди, кирпич на голову упадет...»), и мать двоих маленьких детей, несмотря на то что у нее муж иностранец, норвежский журналист, работающий в Москве, в панике обратилась в наш Экспертный совет: дайте документы по «графскому особняку».

Впрочем, журналистка осталась жива, а вот журнал «Столица» вместе с главным редактором А. Мальгиным и всем журналистским коллективом скоро... «скушали» – не лезьте не в свои дела, разоблачайте коммунистов, империалистов, гомосексуалистов, а не окружение вице-премьеров.

И хотя кирпичи, слава богу, на головы журналистов пока не падают, но документы по недвижимости уже горят. Как сообщил в наш Экспертный совет руководитель группы архивных исследователей В.П. Никифоров, в ФРГ странными пожарами 21 июня 1992 г. (г. Потсдам) и 18/19 апреля 1993 г. (г. Барби) было уничтожено более 5 тыс. документов, «подтверждающих права собственности Западной группы войск (ЗГВ) на недвижимое имущество».

Таких разоблачительных публикаций и справок за 1992–2003 гг. в различных печатных российских изданиях или поступивших в наш совет можно насчитать уже сотни, но они, увы, не дают, как правило, ответа на главные вопросы – о преемственности какой собственности (царской, советской или российской) идет речь, каков механизм ее возвращения (правовая база, юридические посредники, на чей баланс ее переводить) и какова вообще суммарная стоимость этой собственности?

Учет зарубежной собственности России первоначально был возложен на Мингосимущество (постановление Правительства РФ № 14 от 5 января 1995 г. «Об управлении федеральной собственностью, находящейся за рубежом»).

Но, как отмечалось в аналитической справке Счетной палаты (1996 г.), Мингосимущество не выполнило указание правительства (1995 г.) о создании автоматизированной системы учета, поэтому оно так и не подготовило полный реестр принадлежащих России зарубежных объектов (добавим, что реестра нет и по сию пору). Не выполнено и другое постановление Правительства за № 1211 от 12 декабря 1995 г. «Об инвентаризации собственности РФ, находящейся за рубежом». В результате так и не разработана методика оценки зарубежной собственности, включая не только недвижимость, но и капиталы бывших советских заграничных банков (по подсчетам иностранных аудиторов, на 4 трлн. руб. в ценах 1996 г.), а также их акций в зарубежных СП (еще до 64,5 млрд. руб.).

Да и что могли сделать девять сотрудников управления собственности за рубежом и межгосударственных имущественных отношений Мингосимущества, не имеющих ни компьютерной техники для учета, ни своих представительств за рубежом!

В итоге разницей в подсчете объектов недвижимости за рубежом достигает огромных размеров: Счетная палата (1996 г.) полагает, что таких объектов всего 1509 в 112 странах мира (см. Приложение, док. 6), а бывший Российский центр приватизации (РЦП) бывшего вице-премьера и главы ГКИ Максима Бойко, одна из «контор» по перекачке средств из международных банков, созданная А.Б. Чубайсом, насчитала 2489 объектов недвижимости в 122 странах мира, да еще более 50 СП с участием российского капитала (1998 г.).

При этом и Счетная палата, и РЦП ссылаются на данные, полученные в одном и том же Мингосимуществе.

Стоит ли после этого удивляться, что пишущие по этому предмету журналисты совершенно запутались и поэтому выдвигают какие-то фантастические версии. Так, Наталья Самойлова написала, что «вполне может случиться так, что цена, которую придется заплатить России, доказывая право собственности, может сравняться со стоимостью объектов по выигранным делам». Эта же бойкая корреспондентка чуть ниже пишет, что цена зарубежных «объектов», по «различным неофициальным оценкам» их рыночной стоимости «колеблется от 10 до 300 млрд. долл.». То есть на 300 млрд. заявили – и 300 млрд. нужно заплатить «судебных издержек»!

Так стоит ли игра свеч?

Могу с уверенностью сказать, что сама Наталья Самойлова, в отличие от членов Экспертного совета, ни с одним представителем зарубежных юридических фирм о «судебных издержках» не беседовала. Иначе она не допускала бы подобных «переборков». Скажем, мне довелось в Лондоне, Париже и Нью-Йорке вести предварительные неофициальные переговоры с руководством крупнейших английских и американских юридических фирм «Пинкертон» и «Скадден». У них – не у нас: гонорары начисляются не с потолка, а либо «по часам» (максимум 450 долл. за час), либо по проценту от стоимости выигранного в суде объекта недвижимости, причем чем дороже объект, тем ниже процент, но в любом случае, как правило, существует предоплата. Так вот, если бы одна из этих фирм взялась по поручению правительства России вести «дело о 300 млрд. долл.», более чем на 1 % она бы не претендовала.

Согласитесь, такая «цена, которую придется заплатить России» вполне приемлема. Более того, директор службы консалтинга и расследования фирмы «Пинкертон» Николас Берч даже обратился ко мне с официальным письмом 26 февраля 1993 г., предлагая немедленно прибыть в Москву и начать переговоры с официальными лицами Правительства РФ без всякой «предоплаты».

Хуже другое. Озвученная журналистская идея о непомерной цене «судебных издержек» имеет широкое хождение в самых высоких кругах российского истеблишмента: от одного из министров Правительства РФ я лично слышал нечто подобное.

Впрочем, не обязательно искать солидные риэлторские фирмы за тридевять земель – есть они и в Отечестве. Одной из таких фирм является ЮНИКОН (консалтинг и аудит), работающая на отечественном и зарубежном рынках с 1989 г. Ее клиентами являются более 200 компаний, годовой оборот (1997 г.) превысил 100 млрд. руб. Компания имеет свои филиалы в шести городах РФ, а в 15 регионах – своих уполномоченных агентов.

Показателем солидности компании является то, что в 1998 г. Госдума именно ЮНИКОНу намеревалась поручить проверку внутренних и зарубежных счетов Центробанка, но лоббистам тогдашнего председателя ЦБ Виктора Геращенко, не желавшим объективного аудита, удалось торпедировать это намерение и передать проверку «ручной» иностранной фирме.

В значительной мере вина за всевозможные журналистские слухи и домыслы лежит на Госкомитете по имуществу Правительства РФ, который (и тут я полностью согласен с Натальей Самойловой) располагал «не реестром собственности России», а лишь «реестром претензий (выделено мною. – Авт.) России на собственность». Сей печальный факт был наглядно продемонстрирован на двух ответственных мероприятиях – межведомственном совещании вице-премьера О.Д. Давыдова в нашем Белом доме 18 января 1995 г. и пресс-конференции бывшего зампреда ГКИ – куратора департамента зарубежного имущества и экс-«сенатора» Валерия Фатеева 3 июля того же года.

На совещании у О.Д. Давыдова, где с основными сообщениями о царской собственности за рубежом выступили члены Международного экспертного совета М.В. Масарский и В.Г. Сироткин, в итоговом протоколе было записано: «1. Считать необходимым активизировать работу министерств и ведомств по поиску и оформлению (!) прав собственности РФ на имущество бывшей Российской империи за рубежом. 2. Поручить (далее следует перечень министерств и ведомств: МИД, СВР, Росархив и т. д. – Авт.) провести поиск архивных материалов, подтверждающих права РФ на собственность за рубежом, и ежеквартально докладывать об этих поисках в Правительственную комиссию по защите имущественных прав РФ за рубежом».

При знакомстве с этим уникальным документом возникают следующие мысли:

а) у всех министерств и ведомств на 18 января 1995 г. не было реестра царской собственности, которая могла бы принадлежать им как ведомственным правопреемникам; симптоматично, что в перечне «недоимщиков» по реестру зарубежной собственности числится и ГКИ. Стало быть, работу по составлению реестра царской собственности правительству надо начинать с нуля;

б) составители протокола весьма смутно представляют объем архивной работы по царской собственности (как минимум надо изучить документы 10–15 архивов Москвы за 300 лет); отсюда вытекает бюрократический приказ – «доклаживать ежеквартально».

В молодости мне доводилось работать в «царском» Архиве внешней политики России МИД СССР, на основе которого межведомственная Комиссия по изданию дипломатических документов с 1957 г. публиковала объемистые сборники «Внешняя политика России XIX – начала XX в.». Так вот, эта комиссия, аппарат научных и архивных работников которой в

разные годы достигал 20–40 человек, до настоящего времени – за 40 лет – выпустила всего 17 томов (в среднем на поиск документов только по одному тому уходило от двух до трех лет).

Тесно сотрудничающие с нашим Экспертным советом коллеги из ЗАО «Интерпоиск» сообщили, что, работая в архиве по сравнительно узкой проблематике – собственность Западной группы войск СССР в Германии, они задействовали свыше 12 специалистов-архивистов, потратили более двух лет для просмотра свыше 60 тыс. дел по так называемому «оккупационному праву» и пока выполнили лишь 50 % объема работы.

А ведь оба примера – это работа преимущественно в одном архиве на заранее определенном хронологически узком отрезке времени и при уже отработанной методике (ищут либо дипломатические донесения, либо незаконно проданное генералами ЗГВ имущество).

И вот еще одна деталь: через две недели после совещания у вице-премьера ко мне домой позвонила сотрудница секретариата тогдашнего председателя Росархива Р.Г. Пихои (его также упомянули в протоколе на предмет ежеквартальной сводки) и попросила «не в службу, а в дружбу» (мы с ней оказались однокашниками по учебе на истфаке МГУ) дать хоть какой-нибудь перечень царских объектов недвижимости за рубежом. «Зачем тебе это, Вера? – удивился я. – Возьми любую из моих публикаций, ну вот хотя бы в «Дипломатическом ежегоднике» за 92-й год, и перепиши названия 37 объектов царской церковной недвижимости в Израиле, Ливане, Сирии и Египте». Нет, отвечает она, нам нужно со ссылкой на архив, фонд, дело, чтобы все выглядело солидно...

Дал я, конечно, своей однокашнице пару-тройку названий с архивными шифрами, но подумал: а кого мы обманываем, разве вице-премьера, не себя ли?

Не меньшее огорчение вызвала у меня и уже упоминавшаяся пресс-конференция зампреда ГКИ Валерия Фатеева, на которой я присутствовал. Спору нет, конкретные цифры стоимости зарубежной собственности РФ – без разграничения на царскую, советскую или российскую в СНГ – впечатляли: 106 стран, от 3,3 до 300 (каков разброс цифр?!) млрд. долл. – недвижимости, на 5,9 млрд. долл. – доли капитала в СП.

Не были лишены интереса и чисто юридические аспекты. Например, по информации Фатеева (и это верно!), земельные суды в Германии упорно не признают РФ правопреемницей СССР (поскольку парламенты ряда стран СНГ до сих пор не ратифицировали межправительственные соглашения о передаче своих прав на советскую зарубежную собственность в пользу РФ в обмен на выплату их части внешнего долга СССР), но странным образом принимают иски, если они подаются от имени... несуществующего СССР (выходит, юридически для немецких судей СССР все еще существует?!).

Можно согласиться с Фатеевым, когда он констатирует, что «особую сложность вызывает подтверждение прав на имущество, ведущее свою родословную со времени царской России, и на собственность по итогам Второй мировой войны – реализация оккупационного права, репарации».

И все же эта длительная (включая вопросы журналистов) и несколько сумбурная пресс-конференция зампреда ГКИ породила больше вопросов, чем ответов.

Во-первых, вызвал вообще недоумение отказ Фатеева дать хотя бы какой-нибудь ответ на вопрос: намерен ли ГКИ заняться судьбой «царского» и «ленинского» золота на Западе?

Во-вторых, мне сразу стало ясно, что чиновники департамента зарубежного имущества ГКИ, подсунувшие своему зампреду конкретные цифры о царской недвижимости за рубежом (в частности, в Израиле), не владеют материалом (не 24 объекта, а целых 37, и принадлежали они не «одному из великих князей» генерал-губернатору Москвы вел. кн. Сергею Александровичу, убитому террористом-эсером Каляевым в 1905 г., а российскому правительству, РПЦ, ИППО РПЦ – Русская православная церковь, ИППО – Императорское православное палестинское общество (1882–1917 гг.), воссозданное в 1992 г. постановлением бывшего Верховного Совета РСФСР и Дому Романовых).

В-третьих, неприятно покоробил намеренно бодрый тон бывшего зампреда. Признав, что решение проблемы зарубежного имущества РФ – не вопрос двух-трех недель и даже «не года и не двух» (что в принципе верно: уйдет не менее десятилетия), г-н Фатеев далее патетически воскликнул: «Еще два-три месяца назад мы не могли назвать даже прозвучавших сегодня цифр (!). Но еще через два-три месяца комитет сможет представить уточненные данные по каждой отдельной стране и по каждому отдельному объекту».

Но «через два-три месяца» в ГКИ не стало ни зампреда Фатеева, ни самого председателя этого комитета А.И. Казакова и, уж конечно, никаких «уточненных данных» журналистам представлено не было.

Насколько я информирован, никаких «ежеквартальных» отчетов о поисках в ведомственных архивах от большинства министерств в первую правительственную комиссию по защите имущественных прав РФ за рубежом О.Д. Давыдова также не поступало.

Да что там ежеквартальные отчеты! В правительственном протоколе от 18 января 1995 г. черным по белому было записано: Минюсту РФ (В.А. Ковалев) «осуществлять правовую экспертизу выявленных в архивах министерств, ведомств документов и документов профессора Дипломатической академии МИД России В.Г. Сироткина (выделено мною. – Авт.)».

Оставив на совести клерков секретариата вице-премьера формулировку о «документах профессора Сироткина» (они не «профессорские», а собственность нашего Международного экспертного совета), отмечу, что за минувшие годы ни Минюст, ни ГКИ (а он уже 18 января 1995 г. был информирован о «документах профессора Сироткина», даже если его чиновники и не читали свыше 30 моих публикаций в прессе за 1995–1998 гг. и не смотрели по ТВ за то же время по крайней мере 15 передач на ту же тему, одна из которых по московскому ТВ в февральский субботний вечер 1996 г. длилась целых 50 минут!) ни разу не обратились в наш совет, и тогдашнего начальника Департамента зарубежного имущества ГКИ В.П. Шумакова я впервые увидел только 8 июля 1996 г. в кабинете члена нашего Экспертного совета М.В. Масарского на Старой площади, да и то в связи с тем, что «сверху» поступила команда в ГКИ заключить с нами договор на «генеральный подряд» по возвращению «российского золота» и недвижимости из-за рубежа (договор так и не был заключен).

Кстати, и первая Правительственная комиссия по защите имущественных прав Российской Федерации за рубежом (поручение правительства В.С. Черномырдина от 26 октября 1994 г. № А4-П6-33648) также ни разу не удосужилась пригласить «профессора ДА МИД РФ», обладателя столь уникальных документов, ни на одно из своих заседаний (если, конечно, они имели место), хотя сию комиссию поручено было возглавлять... вице-премьеру О.Д. Давыдову.

После того памятного межведомственного совещания 18 января 1995 г. в Белом доме под председательством Давыдова мы с М.В. Масарским еще три года ходили «по инстанциям», стучались во все двери, организовывали пресс-конференции (в американо-российском пресс-центре вместе с депутатами Госдумы, в пресс-центре «Аргументов и фактов» и др.), пока нам в руки не попала справка Счетной палаты (конец 1996 г.).

И стало ясно, что, несмотря на все самые строгие постановления правительства и указы президента за 1992–1996 гг., в деле учета и эксплуатации зарубежной российской собственности царит полная неразбериха, которой умело пользуются для личного обогащения ловкие чиновники различных министерств и ведомств (см. Приложения, док. 8).

Лишь в самом конце 1997 г. с помощью А.И. Вольского нам удалось прорваться к тогдашнему первому вице-премьеру Б.Е. Немцову и с его помощью получить в январе 1998 г. на специальной записке резолюцию Б.Н. Ельцина о создании новой (вместо недействующей комиссии 1994 г. во главе с уже уволенным в отставку О.Д. Давыдовым) Межведомствен-

ной государственной комиссии по защите имущественных интересов России за рубежом во главе с министром иностранных дел Е.М. Примаковым.

Но прошел еще почти год, когда тот же Примаков, но уже в качестве премьер-министра, оформил резолюцию президента постановлением Правительства № 1154 от 3 октября 1998 г. о создании такой комиссии во главе с председателем Мингосимущества Ф.Р. Газизуллиным (см. Приложения, док. 13). Но Газизуллин сначала надолго заболел, а затем ушел в отставку, потом по настоянию Б.Н. Ельцина вновь вернулся, а комиссия до января 1999 г. так и оставалась несформированной.

* * *

И тем не менее с упорством одержимых мы продолжали работу.

Сразу оговоримся: далее речь пойдет только о царской собственности, да и то далеко не обо всей, ибо и в нашем Экспертном совете отнюдь не самый полный ее реестр (хотя, безусловно, гораздо более детальный, чем в ГКИ).

Несколько слов о путях формирования нашего реестра. Систематически он начал создаваться, как и материалы по золоту, с 1991 г. Начали с Архивов внешней политики России, где при содействии тогдашнего заместителя начальника Историко-дипломатического департамента МИД РФ В.И. Трутнева нашли и опубликовали уникальный «Список русских учреждений в Палестине и Сирии (1903 г.)».

Под «Палестиной» тогда, в начале нашего века, понимались Святые места вокруг Гроба Господня в городе Иерусалиме – монастыри, подворья (гостиницы для паломников), церкви с кущами (садами) при них, а также сопутствовавшая им «инфраструктура» ИППО – построенные за счет пожертвований россиян для православных арабов детские сады, школы, больницы, здания духовных миссий РПЦ и т. д. По сегодняшнему государственно-территориальному делению на Ближнем Востоке эта палестинская недвижимость находится в Израиле (главным образом в Иерусалиме), Ливане, Иордании, Сирии и в Северном Египте.

Значительную часть сведений я получил в результате поездок по зарубежным странам (Франция, Италия, Великобритания, США, Канада, Греция, Израиль, Ливан и др.). Скажем, летом 1993 г. в составе делегации Комитета по свободе совести бывшего Верховного Совета РФ во главе с протоиереем о. Вячеславом (Полосиным) как эксперт по международным делам я побывал в Салониках на Европейском конгрессе христианских парламентариев. В рамках конгресса была организована поездка на Святую гору Афон, в православную мужскую монастырскую общину, и там довелось посетить старейший на Востоке русский Свято-Пантелеимоновский монастырь (XII в.), вооружиться многими документами, побеседовать с монахами из России.

В сочетании с ранее опубликованными материалами о Святой горе Афон личный визит в Свято-Пантелеимоновский монастырь и последовавшие за ним контакты существенно дополнили Текущий архив нашего Экспертного совета материалами о российской церковной недвижимости в Святых землях.

Много интересных данных по отдельным странам мы получили от добровольных помощников совета. Так, по Италии сведения сообщили собкор «Известий» в Риме Михаил Ильинский и его жена Татьяна. В частности, Ильинский подробно рассказал и мне, и читателям «Известий» о соборе Св. Николая Угодника в г. Бари, что на юге Италии, где он неоднократно бывал лично. Собор был освящен в 1912 г. и являлся до Первой мировой войны одним из Святых мест православия в Восточном Средиземноморье. До 1917 г. управлялся дирекцией дореволюционного ИППО, затем был заброшен, а в 1939 г. «подарен» полпредом СССР в Италии Б.Е. Штейном властям Муссолини; в 1945 г. возвращен СССР как фашистская собственность, но Сталин почему-то отказался взять его «на баланс» СССР.

Иногда информация поступала совершенно случайно. Например, в 1994 г. на приеме-обеде посла Франции в Москве Пьера Мореля в качестве одного из президентов «Ассоциации друзей Франции» я случайно оказался за столом рядом со статной дамой «третьего» (т. е. после 60 лет), как деликатно говорят французы, возраста. Дама оказалась Антониной Львовной Мещерской, дочерью княгини Веры Кирилловны Мещерской, основательницы (в 1927 г.) Русского дома – богадельни для престарелых русских эмигрантов, что находится рядом со знаменитым русским кладбищем в Сен-Женевьев-де-Буа. Подробнее об этом см.: Э. Шулепова. Русский Некрополь под Парижем. М., 1993.

По условиям завещания американской меценатки в 20-х годах была выделена крупная сумма в долларах на обустройство и содержание дома-богадельни, и он должен функционировать до тех пор, пока в нем живет хотя бы один представитель русской эмиграции первой волны. «Последний из могикиан» умер в этом доме в конце 80-х годов (этот факт, а также сам Русский дом интересно описал Вячеслав Костиков в одном из своих последних романов: Костиков В. Последний пароход. М., 1993). Автор, до того как стать пресс-секретарем Б.Н. Ельцина, а затем послом РФ при Ватикане и Мальтийском ордене, много лет провел во Франции, работая в ЮНЕСКО.

Княгиня Мещерская-дочь, познакомившись со мной, прямо за столом шепотом стала спрашивать, с кем бы в Москве переговорить, чтобы передать Русский дом России. Я вежливо поблагодарил княгиню за великодушный порыв, записал ее парижский телефон, но про себя подумал: бедная княгиня, ведь она даже отдаленно не представляет, что значит для наших чиновников «взять на баланс» – и даже даром – зарубежную недвижимость (большой дом с хозяйственными постройками и парком). А кто будет платить налог на недвижимость, за свет, телефон, воду, муниципальный налог? Как оплачивать уход за домом и парком? Нанять сторожа-смотрителя из французов? Так ему по 1200 долл. (гарантированный минимум зарплаты во Франции) нужно платить в месяц, да еще социальные, медицинские, транспортные, жилищные и т. д. надбавки. Кто пойдет на такие расходы, если даже сам российский посол в Париже получал тогда жалованье в 2 тыс. 400 долл.?

Аналогичная ситуация складывается сегодня и с другим домом для престарелых русских эмигрантов (богадельней) в г. Монтоне на французском Лазурном берегу у самой границы с Италией. Этот большой трехэтажный дом (спальный корпус на 60 чел., столовая, хозяйственные службы, включая гараж) был построен в 1907 г. и в 1913–1991 гг. перестраивался и расширялся. В настоящее время принадлежит православной Ассоциации Св. Анастасии (Русская православная зарубежная церковь).

Русских пансионеров-постояльцев в этом Русском доме давным-давно нет – все вымерли. Ассоциация готова продать дом и участок за 30 млн. фр. (5 млн. долл. США), желательно российским владельцам, под культурный центр, пансионат и т. д., иначе дом купят богатые арабские шейхи или американцы и он потеряет свое значение исторического культурного памятника «русской Франции».

Проблемы все те же – кто в России возьмет дом «на баланс»?

Пытались же мы с протоиереем Вячеславом Полосиным еще в 1992–1993 гг. уговорить управление внешних церковных связей Московского патриархата РПЦ «взять на баланс» собор Николая Угодника в г. Бари в Италии, прежде чем начать переговоры с итальянскими властями (М. Ильинский все подготовил для таких переговоров в Риме и в Бари). Тщетно – все уперлось в ту же оплату коммунальных услуг и налогов. Так все и ушло в песок...

Во Франции, особенно в Париже и на Лазурном берегу, сохранилось большое количество русской дореволюционной недвижимости и вообще «русских мест». Выпущен даже специальный путеводитель по этим местам.

В 1995–1998 гг. мне довелось особенно часто бывать в этих «русских местах» – я читал лекции в Сорбонне и, пользуясь случаем, посещал и дом Тургенева в парижском пригороде

Буживаль, и домик Николая Бердяева в другом пригороде – Кальмаре. Оба дома нуждаются в финансовой поддержке, причем дому Тургенева вообще грозит снос – местная мэрия хочет построить на его месте доходный жилой дом.

Особенно много «русских мест» в Ницце – ведь с середины XIX в. она была излюбленным местом отдыха русской аристократии и дворянства. Дворец «Бельведер» – летняя резиденция великих князей, огромный православный собор постройки 1912 г., дворец бывшего управляющего императорскими железными дорогами «Вальроз» фон Дервиза, дворец Кочубея – вот далеко не полный перечень зданий «русской Ниццы».

Пришлось после этих поездок поправлять самого себя. В первом издании я писал о казенной даче графа Витте в Ницце. Ее больше нет, а на том участке другое здание – муниципальный музей Марка Шагала, открытый в начале 70-х годов XX века.

Были и сенсационные открытия, например «бухты графов Орловых» в городе Вилльфранше, что в трех километрах от Ниццы. Причем в мае 1998 г. в этом городке мэрия даже установила братьям Федору и Алексею Орловым бюсты как бывшим владельцам бухты.

Оказывается, еще в 70-х годах XVIII в. братья облюбовали эту глубоководную закрытую бухту для стоянки русской военно-морской эскадры и откупили ее у местного князька (Лазурный берег до 1860 г. не принадлежал Франции, а входил в конгломерат итальянских княжеств).

В 1856 г. история повторилась – на этот раз бухту арендовал Александр II. Русские построили здесь дороги, казармы, лазарет, угольный склад, а закрывающие бухту скалы и сегодня называются «русской батареей».

Позднее, в 1892 г. в казармах Российской Императорской академией наук была открыта русская лаборатория морской зоологии (задолго до аналогичного института Кусто в соседнем Монако), и она просуществовала до 1932 г., пока из-за отсутствия финансирования не была передана Сорбонне для летней практики студентов-зоологов.

Сегодня вице-мэр Вилльфранша Шарль Минетти предлагает возобновить прежнее русско-французское сотрудничество и открыть в городке русский культурный центр.

Я настолько был поражен «открытием» этой бухты, что написал и рассказал об этом в нашей печати.

Таких «открытий» было немало и в других странах. Скажем, на центральной площади в Лозанне (Швейцария) стоит импозантный дворец, в прошлом здание университета, ныне муниципальный музей. Спрашиваю: кто построил и когда? Отвечают: в конце XIX в. на деньги русского мецената графа В.Г. Бестужева-Рюмина. Если найдете хороших адвокатов, можете отсудить или получить компенсацию. Если найдете... В том-то и дело, что нашему общественному совету такие операции не по карману.

Не все, однако, столь мрачно, если усилия общественности типа нашего Экспертного совета объединяются с усилиями государственных органов. Помнится, в январе 1995 г., на православное Крещение, отправился я с большой группой паломников из Московской духовной академии в Израиль, в Святой град Иерусалим. Туда же направило свои стопы и руководство ИППО во главе с его председателем, а затем послом России в Ливане проф. О.Г. Пересыпкиным. Даже телевизионную группу «Уходящая натура» Льва Аннинского из РТР взяли (они потом показали об этом паломничестве неплохой фильм по второму каналу ТВ).

По ходу поездки наши руководители имели встречи и беседы и с израильскими, и с арабскими (с оккупированных территорий) муниципальными властями, и даже с израильскими министрами. В ходе этих бесед вставал старый, еще в 1923 г. поднятый Л.Б. Красиным вопрос о российской собственности в Святых землях. К тому времени ИППО уже несколько лет по собственной инициативе вело переговоры о передаче части одного из подворий (гостиниц для паломников) обществу для организации более дешевого пристанища-ночлега для малоимущих православных паломников из глубинной России. В прин-

ципе израильские власти готовы были пойти навстречу, тем более что за пределами Иерусалима, например в Хевроне, Святые места все равно отходили от них к палестинцам арабам, так уж лучше отдать их «москвитам».

По возвращении мы составили в нашем Экспертном совете обширную справку о церковной недвижимости России в Палестине, особенно в тех районах, которые отходили к палестинской автономии. Записку послали в «инстанции», правда без особых надежд, думая, что дело закончится очередным «апельсиновым гешефтом». Прошло почти два года, и вдруг из сообщений прессы узнаем: министр иностранных дел РФ Е.М. Примаков подписал с израильскими властями соглашение о «передаче на баланс» России двух крупных объектов русской церковной недвижимости ценой в 50 млн долл. – Кафедрального собора Св. Троицы и здания Русской православной духовной миссии (мы в своей справке предлагали еще четыре крупных объекта).

3. Витте – Николай II: проект мировой Федеральной валютной системы

Глубокой февральской ночью 2000 г. у меня в московской квартире раздался продолжительный междугородный звонок. Взяв трубку, я услышал голос, по-английски спросивший: «Это мистер Сироткин?» Услышав в ответ, что это именно я, голос представился: «Адвокат Тимоти Бэрроу, глава юридической фирмы в Нью-Йорке» – и сбивчиво и долго объяснял мне, что эта компания – Martha's Vineyard Scuba Headquarters Inc – намерена поднять из морских глубин пароход «Республика» с грузом «царского золота» на 3 млн. долл. (в ценах начала XX в.), затонувший в результате столкновения в тумане с другим пароходом – «Флорида» – в январе 1909 г. у атлантического побережья США.

Адвоката интересовало: что знают об этой истории в России и не имеют ли нынешние российские власти претензий на это золото, если оно будет поднято со дна морского? По правде говоря, я впервые услышал об этой истории, хотя об аналогичных примерах в других частях света был наслышан. Например, о подъеме японцами после войны 1904–1905 гг. русского курьерского судна с жалованьем в золотых рублях офицерам и старшинам осажденного Порт-Артура, торпедированного японскими миноносцами на подходе к гавани.

Входить в детали истории гибели «Республики» ночью, да еще по телефону, я не стал, а предложил адвокату выслать весь имеющийся у него материал по электронной почте мне домой. Не прошло и суток, как я начал получать целые пачки посланий по-английски. В результате вырисовывалась следующая картина: 24 января 1909 г. у о. Нэнтукет на траверзе штата Нью-Джерси на восточном побережье США в густом тумане столкнулись два пассажирских парохода под американскими флагами – «Республика» и «Флорида». На первом из круиза по Средиземному морю возвращались 460 чел. (из них 250 чел. – пассажиры первого класса, «миллионеры», как писала тогда пресса США), на втором плыли в Америку в поисках счастья 900 эмигрантов из Италии. Благодаря тому, что столкновение произошло в судходном районе, пассажиров обоих пакетботов удалось быстро спасти на шлюпках, спущенных подошедшими судами, кроме четырех пассажиров «Республики», погибших в носовой каюте в момент столкновения.

Вся мировая печать (а о катастрофе писали даже «Архангельские губернские новости», № 10, 1909 г., январь), писала, что успеху спасения пассажиров и экипажей способствовал морской телеграф и сигнал SOS, впервые примененный радистом на «Республике»: сигнал был принят в Нью-Йорке и Бостоне и быстро передан на другие суда в районе катастрофы.

Кстати, после этой успешной морской спасательной операции конгресс США принял в 1909 г. закон, по которому отныне все американские океанские суда пассажирского типа не выпускались в море без наличия на них радиостанции и радистов, владеющих «азбукой Морзе».

Сильно поврежденную «Республику» без пассажиров спасательные суда США попытались было отбуксировать в ближайший морской порт, но сильное волнение помешало это сделать. Пробоина в носу судна оказалась слишком большой, и пароход, оборвав буксирные тросы, затонул.

Почти сразу же в американской прессе («New York Tribune», 25.01.1909; «New York Sun», 25.01.1909 и др.) появились будоражащие воображение обывателя слухи о несметных богатствах (золоте в виде американских золотых монет, в просторечье именуемых American Gold Eagles – «золотые американские орлы», по отпечатке на монетах орла с герба США), ушедших на дно вместе с «Республикой». Называлась даже сумма «цены вопроса» – 3 млн. американских долларов, правда, пока без упоминания имени тех, кто их отправил.

С тех давних, почти столетних, времен и по сию пору «золото «Республики»» фигурирует во всех изданиях и справочниках США по «морской золотой охоте» – у лейтенанта береговой охраны США Г.Е. Ризеберга «Охотник за сокровищами» (1945 г.), в его же с соавтором справочнике о погибших в мировом океане «золотых кораблях» (1965 г.), у двух других американских «береговых охранников» – А. Лонсдайла и Г. Каплана – в «Справочнике погибших в водах США кораблях» (1964 г.) и др. вплоть до недавней статьи в знаменитом журнале «Форбс» о «Золотых дигтерах» («Forbs», 29.05.2000).

Однако очень долго, более 70 лет, все эти морские «золотоискатели» не догадывались, кому принадлежало это утонувшее вместе с «Республикой» сокровище в «американских золотых орлах», пока в 1981 г. отставной капитан Мартин Байерл в результате кропотливой работы в архивах США не установил: золото это принадлежало царю Николаю II (свои доказательства капитан позднее поместил в Интернете на своем собственном веб-сайте www.gms-gerpublic.com; адвокат Т. Бэрроу 6 июня 2000 г. любезно переслал мне в Москву распечатку с этого веб-сайта). Более того, оборотистый капитан тогда же, в 80-х годах, запатентовал право подъема парохода «Республика» с морского дна и еще некоторое время спустя создал ту самую судоподъемную компанию, о которой упоминалось выше, став ее президентом.

С 1985 г. фирма М. Байерла состояла в интенсивной переписке сначала с посольством СССР, а с 1992 г. – России в Вашингтоне, пытаясь привлечь преемников России императорской к участию в подъеме «золота царя» на принципах раздела «продукции» («золотого клада»), но безуспешно: ни советские, ни российские дипломаты интереса к «цареву золоту» в пучине морской не проявляли, хотя условия раздела предлагались очень выгодные – 90 % России и только 10 % – американцам (последнее во времени письмо российскому послу в США Ю.В. Ушакову было направлено адвокатом Т. Бэрроу 31 августа 2000 г. – вся эта переписка в копиях хранится в Текущем архиве нашего Экспертного совета).

О причинах нежелания МИД РФ (а до него – МИД СССР) заняться доставанием «царева золота» со дна морского можно только предполагать, но сам принцип такого отношения к государственным интересам известен давно, еще с царских времен: дипломат спит, а валюта (сиречь жалованье) идет.

Собственно, и сама русская идея создать перед Первой мировой войной мировую валютную систему именно как инструмент предотвращения этой мировой войны возникла не в МИДе, а в Минфине Российской империи в головах его министров Бунге, Вышнеградского и Витте (идею поддержал и его преемник в 1906–1911 гг. Коковцов); двум последним удалось убедить в этом Николая II. Судя по присланным мне вопросам, фирма Мартина Байерла и ее адвокат Т. Бэрроу до этого глобального русского финансового проекта не докопались: они ведь так и не выяснили – для кого предназначалось «царево золото» в США, утонувшее вместе с пароходом «Республика»?

Попробуем, опираясь на наши собственные расследования, ответить на этот ключевой вопрос.

* * *

Морская катастрофа 24 января 1909 г. в Атлантике и гибель парохода «Республика» с грузом «царева золота» (хотя и в золотых монетах США) поставила тогдашнюю мировую прессу в тупик – зачем Николаю II нужно было отправлять за границу такую кучу (напомним, на 3 млн. долл.!) драгоценного металла?

Недостатка в домыслах у журналистов всего мира не было. Писали и о русских закупках оружия в США, и, наоборот, о продаже новой порции территории Российской империи

Америке (назывались даже Беринговы острова, хотя их «продаст» – безвозмездно отдаст шельф у Беринговых о-вов, равных трем Польшам, – только Шеварднадзе в 1990 г.) и т. п.

Но никто так и не докопался до сути дела. А суть эта была совсем в другом. Конец XIX – начало XX в. были отмечены подъемом пацифистского движения. Сам по себе пацифизм не был новостью для Европы: еще после окончания этих Наполеоновских войн сначала в США (с 1815 г.), а затем и в Англии (с 1816 г.) стали возникать гражданские «общества мира». К 1895 г. их число в мире достигло 126. С 1848 г. стали собираться международные конгрессы «друзей мира». На втором таком конгрессе в Париже в августе 1849 г. с яркой речью выступил великий французский писатель и пацифист Виктор Гюго. «Настанет день, когда единственным полем битвы будут рынки, открытые для торговли, и умы, открытые для идей», – воскликнул писатель-гуманист.

С 1891 г. в Берне (Швейцария) начало работать Международное бюро мира – координационный орган для национальных «обществ мира». К пацифистскому движению присоединились парламентарии Европы. В 1889 г. в Париже они собрались на первый конгресс Межпарламентского союза, существующего и поныне. Инициатор создания этого союза французский парламентарий-пацифист Фредерик Пасси стал первым лауреатом Нобелевской премии мира (1901 г.), с тех пор регулярно присуждаемой все последующие сто лет. Памятью в честь этого нобелевского лауреата в Париже стал квартал Пасси, в межвоенный период – пристанище русских эмигрантов первой волны, и одноименная станция столичного метро.

Помимо общественных собраний и деклараций реальным практическим результатом пацифистского движения в Европе уже в XIX в. стала разработка законов о «правилах войны». Здесь особую роль стали играть «жневские конвенции», начиная с первой в 1864 г. – «Об улучшении участи больных и раненых в действующих армиях». Для ее реализации было создано знаменитое ныне международное Общество Красного Креста и Красного Полумесяца (в исламских странах) со штаб-квартирой в Швейцарии.

Сегодня малоизвестно, что эпоха «великих реформ» Александра II была отмечена и рядом пацифистских демаршей на международной дипломатической арене. В 1868 г. в Петербурге по инициативе царя была собрана конференция европейских дипломатов, и на ней подписана конвенция о «правилах войны» – о запрещении применения разрывных и зажигательных пуль, а в 1874 г. Россия выступила инициатором международной конференции по кодификации «правил войны» в сухопутных сражениях.

Однако это было еще только начало. Инициативу деда подхватил его внук Николай II: именно он поддержал предложения как своих министров и банкиров (С.Ю. Витте, миллионера-железнодорожника Ивана Блюха и др.), так и «общественников» (будущих кадетов-пацифистов акад. М.М. Ковалевского, проф. П.Н. Милюкова, кн. П.Д. Долгорукова и др.) о созыве в 1899 г. в Гааге крупного международного пацифистского конгресса 26 стран по общеевропейскому разоружению. В 1907 г., и снова по инициативе России, конференция была повторена. На этот раз в ней приняли участие более 250 официальных представителей из 44 стран (приехали даже представители стран из заморской Латинской Америки).

Впоследствии мирные инициативы царя на двух Гаагских пацифистских конференциях были смазаны кровавыми событиями Первой мировой (а в России – еще и гражданской) войны. Сыграло свою роль и «предательство» недавних пацифистов – «рюриковича» князя Долгорукова, лидера кадетов Милюкова и многих других: в 1914 г. они «сменили флаги» и стали воинствующими патриотами, сторонниками войны до победы над «тевтонами». А ведь Милюков в 1911 г. выпустил целый пацифистский трактат «Вооруженный мир и ограничение вооружений». Именно в этой книге профессор-кадет впервые в мировой литературе выдвинул и обосновал модную ныне идею конверсии ВПК.

Между тем принятые на двух Гаагских конгрессах мира конвенции и декларации оказались весьма жизнеспособными и позднее, после Первой и Второй мировых войн, вошли в уставы Лиги Наций и ООН. Предложенная же русской делегацией на I Гаагской конференции идея моратория на пять лет для наличных вооруженных сухопутных и военно-морских сил и замораживания военных бюджетов на уровне 1899 г. хотя и не была тогда принята, тем не менее после Второй мировой войны получила практическое развитие в отношениях США – СССР при гонке ядерных вооружений (мораторий, а затем и запрет испытаний водородных бомб в атмосфере, запрет на отдельные типы ракет и т. д.).

Но самым главным в этом пацифизме Николая II было другое: попытки не только продекларировать на конгрессах отказ от войны, но и создать эффективную систему предотвращения войны в Европе и мире с помощью т. н. финансовой дипломатии, активными пропагандистами которой выступали министр финансов Российской империи в 1893–1903 гг. Сергей Юльевич Витте и его российские и зарубежные единомышленники.

* * *

Глубинной основой проектов «финансовой дипломатии» стало качественное изменение традиционно торгово-промышленного капитализма времен Адама Смита и Дэвида Рикардо, с середины XIX в. начавшего трансформацию в финансово-промышленный.

В СССР эта трансформация многими поколениями советских людей воспринималась сквозь призму ленинского трактата «Империализм как высшая (в первоначальном заголовке – последняя. – Авт.) стадия капитализма» (1916 г.). Именно из этой работы В.И. Ленина следовал главный вывод большевиков о загнивании и неминуемом крахе капитализма как социально-экономической системы. Левая социал-демократка Роза Люксембург пошла еще дальше – у нее выходило, что капитализм на его последней стадии – империализме – рухнет автоматически.

Предостерегающие голоса, включая предсмертный голос самого Фридриха Энгельса, а также Г.В. Плеханова и Эдуарда Бернштейна, не были услышаны молодым поколением европейских левых социал-демократов, рвавшихся к власти через мировую пролетарскую революцию.

Между тем существовали и другие, весьма отличные от ленинско-люксембургских, точки зрения, в том числе и в России. Из факта трансформации «старого» (торгово-промышленного) капитализма в «новый» (финансово-индустриальный) эти мыслители делали прямо противоположный ленинскому вывод: не о «загнивании» и «крахе», а, наоборот, о прогрессе и возможности с помощью мировых финансов избежать традиционных войн за передел сырьевых колоний в мире.

Так, упоминавшийся выше крупный российский финансист и подрядчик в строительстве железных дорог Иван Станиславович Блиох (1836–1901) к концу жизни выступил еще и как теоретик перестройки международных отношений в мире на базе новой «финансовой дипломатии» (см. его шеститомный труд «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», переведенный на многие языки мира). Характерно также, что И.С. Блиох выступал и практиком пацифизма: на собственные деньги он создал в г. Люцерне (Швейцария) частный «Международный музей войны и мира», существующий и поныне.

С другого конца – через реорганизацию международной торговли – вышел на проблему использования финансового капитализма молодой русский экономист С.М. Житков.

Однако подлинным «мотором» использования «финансовой дипломатии» в интересах мира и соавтором проекта создания всемирной валютной системы на базе США выступил С.Ю. Витте. Как всякому талантливому администратору, его репутации не повезло ни у современников, ни у потомков. «Кабатчик» (П.Н. Милюков) – за введение госмонополии на

продажу водки, «финансовый фокусник» (В.И. Ленин) – за приравнивание бумажного рубля к золотому стандарту – вот далеко не полный перечень отрицательных эпитетов, которыми награждали современники талантливого финансиста.

И неудивительно, что ленинские оценки деятельности Витте перекочевали даже в серьезные труды советских историков («классовая ограниченность царского министра»), а вся многогранная работа Витте по интеграции России в мировую финансовую систему была сведена лишь к поиску иностранных займов, причем с прозрачным намеком – «царский министр» хотел превратить матушку-Россию в иностранную колонию.

На самом же деле Витте намного опередил свое время. Лучшее доказательство этому – «финансовая дипломатия» Германии и Японии, но уже после Второй мировой войны, через полвека после смерти ее отца-основателя.

И удивляться надо не тому, что дважды – в 1903 и 1906 гг. – Витте был отправлен царем в отставку (причем во второй раз – навсегда, вплоть до своей кончины в 1915 г.), а что за сравнительно короткий – всего десять лет – период своего пребывания на посту министра финансов он так кардинально изменил финансовую систему (ввел золотой рубль), форсировал железнодорожное строительство (Транссибирская магистраль, русские дороги – КВЖД и ЮМЖД – в Северном Китае, Турксиб в Средней Азии и т. д.), банки (Русско-китайский, Русско-корейский, Русско-персидский и др.), обеспечил финансово-экономическое присутствие Российской империи в сопредельных странах, особенно на Востоке.

Сановную военную и гражданскую царскую бюрократию раздражала, однако, не столько политика этого «выскочки» из железнодорожных билетных кассиров, сколько методы ее осуществления. Ведь Витте, хорошо изучив коридоры царской бюрократии, при помощи Александра III и, частично, Николая II, сумел отвоевать в этом хитросплетении чиновничества, интриг и амбиций довольно широкую «автономию», которую его злейший недруг министр внутренних дел В.К. Плеве, входивший с ним в одно правительство, называл «государством Витте».

Много позднее (1910 г.), когда граф Витте был уже не у дел, петербургская влиятельная газета «Новое время» справедливо писала об этом «государстве в государстве»: Витте-«государь» командовал «собственным войском» (многотысячным казачьим корпусом пограничной стражи, вооруженной пушками и пулеметами), имел «собственный торговый флот» с собственным флагом (подчинялся Департаменту морской торговли Минфина России), «свои железные дороги» (в Китае – КВЖД и ЮМЖД – в Персии), «своих дипломатических представителей» (т. н. финансовых агентов в крупнейших столицах мира). А если к этому добавить, что финансирование всех «казенных» железных дорог России шло через Департамент путей сообщения все того же Минфина, да вдобавок то же министерство непосредственно управляло Госбанком империи, Государственным дворянским земельным банком, Крестьянским поземельным банком и еще чеканило «рыжики» (золотые пятерки и десятки) на собственном Монетном дворе – фон Плеве, пожалуй, прав: «государство Витте» в 1893–1903 гг. действительно существовало.

Не прав был Плеве и его единомышленники, недруги министра финансов, в другом: Витте затеял всю эту «автономию» не из-за жажды административной власти или сановных амбиций, хотя и они были ему не чужды. Придя в высшие эшелоны власти «со стороны», как сказали бы сегодня, с производства (начальник службы движения и перевозок одной из крупных частных «чугунок» на юге России), он очень быстро понял: новое дело подъема экономики и финансов старая царская бюрократия делать не хочет и не сможет, какие грозные царские указы ни издавай. И Витте пошел старым проверенным византийским путем – добрался до «уха государева». Ему повезло – Александр III и сам хорошо понимал, что его чиновничий аппарат мало приспособлен для нововведений, т. к. озабочен чиновничеством – в каком вицмундире (зимой) или тужурке (летом) прийти к теще начальника с поздравле-

нием по случаю тезоименитства, какие ордена надеть и в каком порядке и т. д. А какие-то там «Великие сибирские пути» строить, ломать голову о строительстве неведомой ГЭС на днепровских порогах на Украине, обсуждать проект строительства моста через Керченский пролив из Крыма на Кубань – нет уж, батенька, нас увольте. Об этом пусть купчишки думают да разные там промышленники из староверов – им ведь к чинам и званиям путь заказан, из «чумазных» они, вот пусть и копошатся там в навозной жиже экономики, а мы – «государевы слуги», державный интерес блюдем.

А как все эти «Каренины» да «фон Плеве» блюли сей интерес, наглядно показала скрытая бюрократическая война между МИДом и Минфином еще в 90-х гг. XIX в. На состоявшемся 17 марта 1899 г. под председательством Николая II «особом совещании» министров правительства по проблеме иностранных инвестиций и допуска иностранцев в ранее закрытые «стратегические зоны» (между прочим, 21 губерния в Западном крае, вся Средняя Азия и часть Кавказа, а также Дальний Восток – почти 30 % территории империи!) резко схлестнулись Витте и министр иностранных дел М.Н. Муравьев. Мининдел ни в какую не хотел допускать «иностраннных шпионов» в военно-стратегические регионы, как ни доказывал Витте вздорность такой устаревшей политики «охраны забора».

МИД активно поддержал военный министр А.Н. Куропаткин. Царь, как обычно, занял половинчатую позицию: и Витте поддержал (инвестиции нужны), и Муравьеву – Куропаткину не отказал (иностраннные фирмы могут покупать землю под свои заводы и фабрики в «закрытых зонах» лишь с разрешения местных «держжиморд»).

А ведь Муравьев не был записным реакционером: широко образованный дипломат, он являлся одним из инициаторов созыва I Гаагской мирной конференции, работу которой активно приветствовал и Витте.

Истинная же подоплека этой полемики двух министров в марте 1899 г. коренилась в другом: кадровые царские дипломаты всячески отбояривались от финансовых и торговых вопросов, спихивали их на консулов, уклонялись от изучения технических проблем (какие вагоны и паровозы закупать за границей, как следить за курсом ценных бумаг на биржах и т. п.). Это вообще было характерно для русского дворянства и «чеховской» интеллигенции – вспомните пьесу «Вишневый сад», когда Раневская даже не понимает выгоду предложения купца Лопухина (разбить вишневый сад на дачные участки, а их с прибылью сдавать нуворишам), и все остается по-старому, т. е. на погибель и разорение.

Не один Чехов отразил этот отказ от «вещизма» русской интеллигенции. Кадетская газета «Речь» в начале XX в. опубликовала серию статей, в которых осуждалось чистоплюйство «чеховских» интеллигентов, не желавших «марать руки» игрой на бирже ценных бумаг, открывать свое дело, торговать и т. д. В лучшем случае она шла в «спецы» к «купчине толстопузому» (Н.А. Некрасов), которого, однако, жестоко высмеивала в куплетах:

Отродие купечества,
Изломанный аршин.
Какой ты сын Отечества,
Ты просто сукин сын.

Большевики после 1917 г. очень умело использовали это чистоплюйство, загнав значительную часть этих «чеховских» интеллигентов в «военспецы» РККА и просто в «спецы» ВСНХ, Госплана, Наркомзема и др.

Однако задолго до Ленина и Троцкого на путь «спец»(иализации) встал Витте. Он не стал ломать весь старый царский чиновничий аппарат, а добился приема у Александра III и убедил его создать свое «государство Витте», параллельное официальному. Причем особо оговорил, что прием в его «государство» пойдет не «по чину» и не «по старшин-

ству» (выслуге лет), а «по уму», т. е. профессиональной компетенции. Царь согласился, издал соответствующие указы, и с 1893 г. Витте, к ужасу охраны, начал набирать в свое «государство» неблагонадежных инженеров-путейцев, техников и (о ужас!) даже евреев, правда крещеных в православие. Одним из таких «неблагонадежных» стал инженер Леонид Красин, будущий большевистский наркомвнешторг, одно время работавший техником-смотрителем на строительстве Транссиба.

Самым же главным новшеством в «государстве Витте» стало создание с 1894 г. за границей своего «МИДа» – сети т. н. финансовых бюро в основных столицах мира, подчинявшихся Минфину (кстати, именно на базе этих «бюро» с 1921 г. будут создаваться советские торгпредства). Кадровых царских дипломатов в такие «финансовые агенты» Витте брать не стал, зато широко использовал биржевых спекулянтов, лишь недавно появившихся в обеих столицах империи из-за черты оседлости. Об одном из них – Артуре Рафаловиче – мы уже писали выше. Под стать ему были И. Замена, затем Бернадский в Лондоне, К. Миллер в Токио, М. Рутковский в Нью-Йорке.

Именно с помощью этих агентов Витте еще в конце XIX – начале XX в. попытался осуществить свой самый крупный проект – создание мировой федеральной валютной системы как инструмента предотвращения войны.

* * *

Отличительной чертой этого проекта была его суперсекретность. При жизни ни Николай II, ни даже Витте (хотя он написал очень злые «Воспоминания», которые до самой смерти прятал в сейфе одного из французских банков, и в полном виде в трех томах они вышли лишь 45 лет спустя, в 1960 г., в период хрущевской «оттепели») не сказали об этом проекте ни слова.

Понятно, что и современные знатоки истории «царева золота», как у нас, в СНГ (И.А. Латышев, В.Г. Гузанов, В.А. Кашиц и др.), так и за рубежом (Сергей Петрофф, Даниэль Вильденштейн, Уильям Кларк и др.), ничего не знали об этом проекте, полагая, что речь идет либо о личном золоте царя и царицы (отправлено в январе 1917 г. через Японию в Англию), либо о т. н. «военном золоте» России за 1914–1916 гг. (в оплату военных поставок из США и стран Антанты). Это заблуждение разделял и я, когда в 1997–2000 гг. публиковал три свои книги о русском золоте и недвижимости за рубежом.

И лишь с весны 2000 г., когда нью-йоркский адвокат Тимоти Бэрроу начал по электронной почте присылать мне материалы по расследованию истории золотого груза пакета «Республика», погибшего в январе 1909 г. (характерно, что на каждом листке этих материалов, включая переписку с посольством СССР в Вашингтоне, стояло сакраментальное адвокатское «confidential» – «доверительно»), история проекта Витте начала проясняться. Более того, история его возникновения благодаря усилиям фирмы капитана Байерла из США с 1985 г. стала достоянием дипломатических кругов в СССР (переписка с советским посольством в Вашингтоне), США (копии писем направлялись в Госдеп) и Франции (переписка с французским консулом в Нью-Йорке).

Конечно, только материалов судоподъемной фирмы капитана Мартина Байерла (а при ней с 1988 г. существует еще и исследовательская архивная группа) пока недостаточно, и я продолжаю исследование проекта Витте по отечественным архивам, надеясь в будущем написать о ней специальную книгу (небольшой отрывок из нее я опубликовал в «Литгазете», № 368 в сентябре 2003 г.).

А пока же краткий очерк того, что удалось установить.

* * *

Хорошо известно, что с 1893 г. Витте как министр финансов слыл крупным «спецом» по внешним иностранным займам для российского правительства. Тогда, на рубеже двух веков, основные свободные для займов капиталы находились в руках крупных частных банковских домов – у французских и английских Ротшильдов, у банкирского дома Мендельсонов в Германии, у тогда уже мультимиллионера Дж. Моргана в США. Со всеми ними еще в 90-х гг. XIX в. через своих «финансовых агентов» в Париже, Лондоне, Берлине и Нью-Йорке Витте установил тесный деловой контакт, не гнушаясь личными поездками для встречи с этими «гобсеками финансового мира». Мало того, он подключил к этой «финансовой дипломатии» и молодого царя. Осенью 1896 г. во время первого официального визита царской четы во Францию Витте убедил Николая II принять в Париже французского Ротшильда. Последний очень сильно помог Витте в размещении во Франции в 1894 г. крупного русского займа, почти целиком пошедшего на подкрепление денежной реформы в России (введение в 1894–1897 гг. «золотого рубля»).

Ротшильду же это удалось сделать благодаря тому, что вокруг собственного «Банк де Ротшильд» он сумел создать целый синдикат из других французских банков и ссудосберегательных касс – «Париба», «Лионского кредита», «Национальной сберкассы Парижа», «Сосьете женераль», «Национального индустриального и коммерческого кредита» и др.

Весьма характерно, что позднее именно этот «синдикат Ротшильда», заручившись гарантиями правительства Франции, взял на себя отправку «царева золота» на 3 млн. долл. в США, которое 12 января 1909 г. было доставлено из России на кораблях «Цесаревич» и «Слава» и в порту Гибралтара перегружено на пакетбот «Республика», через две недели потерпевший крушение у американских берегов.

Удачу с «синдикатом Ротшильда» во Франции Витте попытался развить по ту сторону Ла-Манша – в Англии. В мае 1898 г. он выступил в Петербурге на заседании координационного собрания высших сановников империи – в Комитете министров при царе – и предложил развить «французский успех», но уже вокруг другого дома Ротшильдов – английского. Предложение министра было одобрено, и вскоре в Лондон был направлен крупный финансовый сановник С.С. Татищев, начавший переговоры с английским Ротшильдом о размещении на Британских островах крупного русского займа. В полном объеме поставленную перед ним задачу, в отличие от Франции, Татищеву выполнить не удалось (все еще были сильны англо-русские дипломатические противоречия в Китае, Афганистане и Персии), но частичного успеха сановник достиг – часть ценных русских бумаг была допущена к котировкам на Лондонской фондовой бирже.

Витте пытался развить этот пока еще скромный успех: в июне 1899 г. он наладил в Лондон еще одного своего гонца – банкира А.Ю. Ротштейна, управляющего Петербургского международного банка, входившего в «государство Витте». На этот раз удалось добиться большего – разместить в Англии бумаги очередного железнодорожного займа (на строительство Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д.).

И наконец настала очередь США.

С ними у России не было тех идеологических или геополитических противоречий, которые в конце XIX в. осложняли «финансовую дипломатию» Витте в его отношениях с Францией или Англией. Ведь французские и английские Ротшильды не раз намекали российскому министру финансов, что, если царизм будет поощрять политику антиеврейских погромов в России, они заблокируют все русские займы в Европе.

«Англичанка» же, по выражению русских славянофилов, продолжала «гадить» на Востоке, мешая финансовой экспансии Витте в Азии. Но не для того Витте еще при Алек-

сандре III в апреле 1893 г. создал при своем министерстве постоянное межведомственное «особое совещание» по торговле России с Персией, Афганистаном, Бухарой и Китаем, чтобы считаться с «англичанкой». В 1894 г. он нанес ей мощный финансовый удар – откупил у купца Я.С. Полякова за 11 млн. руб. его частный Учетно-ссудный банк в Тегеране, включил его в число банков своего «государства» и поставил перед новым инструментом своей «финансовой дипломатии» на Среднем Востоке задачу: «развитие активной торговли русских в Персии, сбыт туда изделий русских фабрикантов, распространение среди персидского населения российских кредитных билетов, а равно и вытеснение из Персии английских промышленных произведений» (из «Наказа» новому руководству банка, написанного Витте).

И действительно, как отмечали иностранные наблюдатели, современники Витте, его «персидский банк» очень быстро занял в Иране господствующее положение: начал чеканку туманов (персидских золотых монет), поддерживал братьев Лианозовых, владевших осетровыми промыслами на севере Ирана (в 1921 г. проданных ими Советской России), стал субсидировать строительство дорог в Персии и т. п. В конце концов, в 1895–1899 гг. это привело к резкому обострению англо-русских финансово-экономических противоречий в Персии и, как следствие, к большим затруднениям для Витте в его попытках разместить русские займы в Англии.

Иное дело – США. С ними со времен продажи в 1867 г. Аляски давно не было территориальных споров. Более того, продажа Аляски облегчила царям приобретение другой «Аляски» – Средней Азии, ибо войны генерала Михаила Скобелева в 60–70-х гг. XIX в. проходили в Туркестанском крае при благоприятном нейтралитете США, выгодном России и невыгодном «англичанке», главному сопернику России в этом регионе.

Поэтому осенью 1898 г., в самый разгар «персидского дела», Витте начинает усиленный зондаж американских банковских кругов на предмет займов в США. Формируется целая «бригада» его представителей: генконсул России в Вашингтоне В.А. Теплов, финагент Минфина в Нью-Йорке М.В. Рутковский и присланный им в помощь вице-директор секретной «Особенной канцелярии по кредитной части». Именно через эту «канцелярию» Витте и начнет предварительный зондаж по созданию консорциума мировых банков для реализации своего проекта международной федеральной валютной системы Минфина А.И. Вышнеградский-младший, сын бывшего министра финансов России.

На поверхности официальных переговоров этой «бригады» фигурирует крупный русский заем в 80 млн. долл. в США. Стопроцентного успеха «бригада» не достигает – глава «американского синдиката» мультимиллионер Дж. Морган заломил слишком высокий посреднический процент. Но частичный успех налицо: младшие партнеры Морган банкиры Дж. Перкинс и У. Ингельсам через Петербургский международный банк весной 1899 г. соглашаются на заем в 10 млн. долл. на строительство Владикавказской ж. д.

Гораздо важнее «подводная» часть переговоров – о создании мировой федеральной валютной системы. Здесь Морган гораздо более активен, особенно в связи с тем, что посланцы Витте намекают – эта система будет создаваться на основе «царского залогового золота», которое Николай II готов морем отправить в США.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.